

Самолет «Н-120», на котором летчик-орденоносец Ф. Б. Фарих совершает свой трансарктический перелет

Фото Ф. Кислова (Союзфото)

На обложке: эпроновец Мариупольского порта, водолаз Вяткин. Фото Е. Халдей. На обороте обложки: Надя Махнева, воспитанница кунгурской трудкоммуны, пришедшая первой на лыжных соревнованиях в день празднования шестилетнего юбилея коммун. Фото Б. Рябинина.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ БОЛЬШЕВИКА

Григорий Константинович Орджоникидзе (партийная кличка Серго) родился 23 октября (по новому стилю) 1886 года в Западной Грузии, в деревне Гореша.

Семи лет Орджоникидзе был отдан в горешскую церковно-приходскую школу, после окончания которой он поступил в железнодорожное училище в Хашури.

Осенью 1900 года двоюродный брат Тарасий Орджоникидзе и родственник Павел Мачавариани отвезли Серго в Тбилиси (Тифлис). Здесь он учился в фельдшерском училище при городской (Михайловской) больнице. В 1901—1902 гг. он уже был участником школьного социал-демократического кружка.

В 1903 году Серго вступил в РСДРП как большевик.

После окончания фельдшерской школы, весной 1905 года Орджоникидзе возвращается в Западную Грузию, в частности в Батуми. Он принимает самое активное участие в партийной работе.

В сентябре 1905 года Орджоникидзе переехал в Гудаути (Абхазия). Здесь он работает фельдшером в местной больнице. Уже в этот период он профессиональный революционер, борец, для которого смысл жизни — только в революции.

Первый арест молодого революционера произошел в селе Бомбары, близ Гудаути, 5 января 1906 года. Серго был арестован в момент выгрузки оружия и заключен в сухумскую тюрьму, где пробыл до 7 июня 1906 года. Затем был выпущен на поруки и уехал в Тбилиси. Здесь он впервые встретился в редакции большевистской газеты «Дро» («Время») с товарищем Сталиным, который был редактором этой газеты.

В августе 1906 года Орджоникидзе, скрываясь от охранки, переехал за границу, в Берлин. Вскоре он возвращается в Россию. В марте 1907 года был введен в большевистский бакинский комитет, возглавлявшийся товарищем Сталиным, куда входили также Шаумян, Джапаридзе, Спандарян.

В ноябре 1907 года Серго Орджоникидзе был арестован полицией и заключен в баилговскую тюрьму. 9 апреля 1908 года особое присутствие тбилисской судебной палаты приговорило Орджоникидзе к лишению всех прав состояния и к вечной ссылке в Сибирь. 27 октября особое присутствие той же тбилисской судебной палаты дополнительно приговорило его за революционную работу в Абхазии к заключению в крепость на один год.

Весной 1909 года Орджоникидзе отправили в ссылку в Сибирь. Местом поселения была назначена деревня Потаскуй, Пинчугской волости, Енисейской губернии. Через два месяца после прибытия

в ссылку Орджоникидзе бежит и возвращается в Баку, чтобы в нелегальных условиях продолжать партийную работу.

Осенью 1909 года бакинская организация большевиков направляет Орджоникидзе в Иран (Персию), в Гилянскую провинцию, бывшую тогда ареной революционного движения. Он принимает активное участие в революционной борьбе.

В ноябре 1910 года Серго возвращается в Баку и отсюда едет в Париж, к Ленину.

Недалеко от Парижа, в Лонжюмо, Ленин в 1911 году создает партийную школу, слушатели которой были подобраны в России местными партийными организациями. В этой школе был и Орджоникидзе.

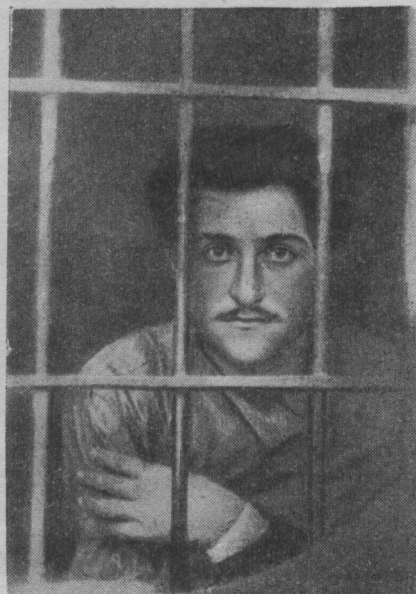
Орджоникидзе был делегатом на Пражской конференции от тбилисской большевистской организации.

На Пражской конференции Орджоникидзе был избран членом ЦК. В феврале 1912 года Серго Орджоникидзе выехал в Петербург, затем поехал в Вологодскую губернию к находившемуся там в ссылке товарищу Сталину. Вместе с товарищем Сталиным, бежавшим с места ссылки, он поехал в Баку, а после — в Тбилиси. В Тбилиси Серго сделал партийной организации доклад о Пражской конференции.

В апреле 1912 года Серго Орджоникидзе снова направился в Петербург. 27 апреля 1912 года он снова арестовывается. После шестимесячного предварительного заключения петербургский окружной суд приговорил Серго Орджоникидзе за побег из ссылки и за большевистскую работу к трем годам каторги с последующим водворением на место вечной ссылки.

Григорий Константинович Орджоникидзе. 1935 год. Портрет работы засл. деятеля искусств, художника-орденоносца И. И. Бродского

Г. К. Орджоникидзе в Батумской тюрьме в 1908 году

Г. К. Орджоникидзе—ученик большевистской партийной школы в Лонжюмо (1911 год). Из материалов Центрального музея В. И. Ленина

Товарищи Ворошилов, Буденный и Орджоникидзе на деникинском фронте в 1920 году (Центральный музей Красной армии)

В октябре 1912 года Орджоникидзе был закован в кандалы и отвезен в Шлиссельбургскую крепость.

По отбытии трехгодичного заключения в крепости Серго Орджоникидзе в сентябре 1915 года был этапным порядком выслан в Восточную Сибирь, в Александровскую пересыльную тюрьму (под Иркутском). Здесь он оставался до открытия навигации по реке Лене и весной 1916 года был направлен на поселение в отдаленный Вилюйский округ, в Нюрбинское сельское общество.

О победе Февральской революции Серго Орджоникидзе узнал в далеком улузе Вилюйского округа. Радость его была безгранична.

Серго принадлежит одна из главных ролей в укреплении революционных завоеваний в Якутии. Орджоникидзе входил в состав Исполнительного комитета Якутского совета, избирается членом президиума комитета общественной безопасности Якутской области, ведет большую организационную и агитационную работу.

В мае 1917 года Серго Орджоникидзе выезжает в Иркутск, а оттуда в Петроград и целиком уходит в боевую партийную работу. По предложению Ленина Серго Орджоникидзе вводится в Петроградский комитет большевистской организации.

В начале сентября 1917 года Орджоникидзе был направлен на короткое время в Закавказье. 6 ноября Орджоникидзе вернулся из Закавказья в Петроград и принял активное участие в Октябрьском социалистическом перевороте.

2 января 1918 года Орджоникидзе был назначен временным чрезвычайным комиссаром района Украины.

В первых числах апреля 1918 года Орджоникидзе переезжает на Дон. 7 апреля он уже в Ростове-на-Дону. Здесь он продолжает принимать меры к организации сопротивления германо-гайдамакам, которые постепенно двигались к югу, на Дон и Кубань. 9 апреля 1918 года открылся первый съезд советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов Донской республики, который избрал Орджоникидзе в состав ЦИК Донской республики.

7 мая австро-германские войска, гайдамаки и белые казаки взяли Ростов. Орджоникидзе со своими эшелонами последним оставил Ростов, отступив сперва в Батайск, а затем к Тихорецкой, чтобы оттуда с боем двигаться к Царицыну.

25 мая 1918 года на чрезвычайном заседании Штаба обороны Орджоникидзе выступил с планом организации борьбы с контрреволюционными бандами, наступающими на Царицын. Он предложил объединить имеющиеся

в городе советские войска под одним командованием. Обеспечив действительную оборону города, Орджоникидзе спешит на Кубань.

На Кубань и Черноморье двигались немецкие войска. Необходимо было организовать оборону Кубани против немцев, укрепить мощь молодой Красной армии, 28 мая в Екатеринодаре открылся чрезвычайный третий съезд советов Кубани и Черноморья.

Орджоникидзе непосредственно руководил съездом, несколько раз выступал. По его предложению существовавшие раздельно Кубанская советская республика и Черноморская советская республика объединились в единую Кубано-Черноморскую республику.

В декабре 1918 года белая армия Деникина все ближе и ближе подкатывается к границам Терской области. Пригретая интервентами, соединившись с кубанской контрреволюцией, она обрушилась на XI красную армию. XI армия, отрезанная от Советской России, осталась без снарядов, без патронов. В это тяжелое для республики время Орджоникидзе едет из одного угла Северного Кавказа в другой, с одного тревожного участка фронта на другой.

По настоянию Орджоникидзе XI армия должна была сосредоточиться во Владикавказе и Грозном; Терская республика должна защищаться; коммунисты остаются на своих местах; во главе их попрежнему Орджоникидзе. Но армия, подкошенная тифом, стала расползаться.

В конце января деникинские части подошли к Владикавказу. В городе было всего несколько тысяч штыков. Начались кровопролитные бои.

Но сила была на стороне белых, и Владикавказ пришлось оставить. Владикавказская группа коммунистов во главе с Орджоникидзе решила направиться в глубь гор.

Только в начале июня 1919 года Орджоникидзе через Хевсуретию и Душет пробрался нелегально в Тбилиси.

Серго Орджоникидзе вместе с тбилисскими большевиками наметил пути дальнейшей борьбы против контрреволюционного меньшевистского правительства. В Баку, в связи с приездом Орджоникидзе, было назначено широкое партийное совещание закавказских коммунистических организаций.

После совещания Орджоникидзе отправился в Москву единственным возможным тогда, но необычным путем — на рыболовной парусной лодке через Каспийское море. В июле 1919 года Орджоникидзе был назначен членом Реввоенсовета XVI армии Западного фронта.

На Западном фронте Орджоникидзе пробыл около трех месяцев. В октябре 1919 года партия и правительство перебросили его на фронт против Деникина.

Он был назначен членом Реввоенсовета XIV армии. На Южный фронт он, по распоряжению товарища Сталина, привел с Западного фронта Латышскую дивизию. Необходимо было добиться решительного перелома на фронте.

20 октября ударная группа (3-я бригада Латышской дивизии, части 9-й и Эстонской дивизий) с боем заняла Орел. Во главе этих частей был Орджоникидзе.

В начале февраля 1920 года постановлением ЦК РКП(б) создается Партийное бюро по восстановлению советской власти на Северном Кавказе. Председателем бюро назначается Серго Орджоникидзе.

В ночь с 27 на 28 апреля муссаватистское правительство в Азербайджане было свергнуто. Образовавшийся Азербайджанский ревком призвал Красную армию. 28 апреля в 4 часа дня красные эшелоны вошли в пролетарский Баку. 30 апреля Орджоникидзе вместе с Кировым и Левандовским прибыли в освобожденную цитадель закавказского большевизма.

25 февраля 1921 года столица Грузии стала советской.

В дни, когда Орджоникидзе добивал контрреволюцию в Грузии, заседавший в Москве X съезд РКП(б) заочно избрал его членом ЦК РКП(б).

Постановлением от 19 мая 1921 года Президиум ВЦИК наградил Серго Орджоникидзе орденом боевого Красного знамени.

В сложнейшей обстановке Серго Орджоникидзе пришлось налаживать в Закавказье советскую власть.

2 ноября 1921 года Кавбюро ЦК РКП(б), заседавшее в Баку с участием членов руководящих партийных органов Баку и Азербайд-

жана и членов центральных комитетов компартий Грузии и Армении, приняло решение об организации Союзного Совета Закавказья.

23 января 1922 года открылся первый легальный съезд Коммунистической партии Грузии. Руководство Орджоникидзе обеспечило победу на съезде ленинско-сталинской линии.

В марте — апреле тов. Орджоникидзе принимает участие в работах XI съезда РКП(б), на котором он был избран в члены ЦК. В члены Центрального Комитета он избирается на XII, XIII и XIV партийных съездах.

На XIV партийном съезде Серго Орджоникидзе сокрушительно обрушивается на изменников и предателей социализма Зиновьева и Каменева; в речи на XIV съезде он беспощадно разоблачает так называемую «новую оппозицию», не брезгующую никакими средствами, чтобы взорвать ленинско-сталинское руководство партии.

После XIV съезда Орджоникидзе возвращается в Закавказье на сравнительно короткое время. В 20-х числах сентября 1926 года он был направлен ЦК ВКП(б) на Северный Кавказ, где некоторое время работал первым секретарем Северокавказского крайкома ВКП(б).

3 ноября 1926 года объединенный пленум ЦК и ЦКК избирает Серго Орджоникидзе председателем Центральной контрольной комиссии. Постановлением Президиума ЦИК СССР он назначается наркомом Рабоче-крестьянской инспекции и заместителем председателя СНК СССР.

Серго Орджоникидзе возглавил ЦКК — РКИ в один из труднейших периодов развития революции, в период, когда развертывалась подготовка к переходу от восстановления народного хозяйства к его реконструкции на новой технической базе, в период, когда оформившийся троцкистско-зиновьевский блок уже перешел к открытым контрреволюционным методам борьбы против партии и советской власти.

Вскоре после разгрома блока троцкистско-зиновьевских реставраторов капитализма подняла голову правая оппозиция, возглавлявшаяся Бухариным, Томским и Рыковым. В своей борьбе против партии правые отщепенцы смыкались с троцкистами, договариваясь с ними об объединении всех контрреволюционных сил для борьбы против партии, против ЦК и товарища Сталина.

«Борьба против товарища Сталина, — говорил Орджоникидзе на XVI партийном съезде, — была борьбой против генеральной линии ленинского ЦК нашей партии. Партия пошла за своим ЦК. Партия в лице товарища Сталина видит стойкого защитника генеральной линии партии и лучшего ученика Владимира Ильича. И поэтому наша партия и рабочий класс вполне правильно отождествляют товарища Сталина с генеральной линией нашей партии, ведущей СССР от победы к победам...»

Товарищи Орджоникидзе и Ворошилов на даче у тов. Врошилова, 1926 год (Центральный музей Красной армии)

Наркомат РКИ провел огромную борьбу против бюрократизма, косности, рутины и волокиты в государственном аппарате.

Одной из главных заслуг Орджоникидзе как наркома РКИ был поворот этого органа лицом к хозяйству. Орджоникидзе сам детально изучал все вопросы промышленного строительства, начиная от капитального строительства и освоения новых стро-ек и кончая организацией самого процесса произ-водства на всех его решающих этапах.

Орджоникидзе постоянно призывал хозяйствен-ников пронизать всю свою работу большевистской партийностью, расширять самокритику, развивая массовую инициативу рабочих. Он не раз повторял, что только при этих условиях они смогут работать с успехом и добиться побед.

10 ноября 1930 года Орджоникидзе был назначен председателем Высшего совета народного хозяй-ства СССР. Решением объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшегося 17—21 декабря, он был введен в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Развернулась великая борьба за строительство тя-желой промышленности. Серго Орджоникидзе взялся за дело со свойственным ему революционным подъемом и большевистской энергией. Надо было сломить рутину и косность многих работников, при-выкших к старым темпам, к старым методам рабо-ты, надо было по-большевистски приняться за орга-низацию и воспитание кадров.

Командарм социалистической промышленности ру-ководил промышленностью не только со своей бо-евой вышки, но и непосредственно на позициях фронта — в цехах, на отдельных участках строек.

В январе 1935 года Серго Орджоникидзе высту-пил с отчетным докладом о состоянии тяжелой промышленности на VII Всесоюзном съезде советов. Доклад Серго Орджоникидзе на съезде был отра-жением подлинных побед индустрии социализма.

За перевыполнение производственной программы 1934 года по Народному комиссариату тяжелой промышленности Союза ССР и достигнутые успехи в деле организации производства и овладения тех-никой тов. Орджоникидзе был награжден орденом Ленина.

В годы второй пятилетки Серго Орджоникидзе неустанно работает над решением проблем освоения новой техники, организации научно-исследователь-ской работы, рентабельности, качества продукции, кооперирования заводов, подъема культуры произ-водства и воспитания новых кадров. Он глубоко чувствует, что впервые в мировой истории раскре-пощенные производительные силы должны дать на-роду огромные блага. Своим пытливым умом он ищет все новые методы и способы, как еще боль-ше и больше увеличить производство, чтобы страна быстрее богатели, чтобы по-сталински бороться за процветание нашей родины.

Орджоникидзе сразу оценил великое значение де-ла, начатого Стахановым. В телеграмме на имя се-кретаря Донецкого обкома партии Саркисова он писал, что рекорды героев угольного Донбасса — Стаханова, Дюканова, Концедалова и других опро-кидывают все старые представления о нормах вы-работки забойщика и являются блестящим доказа-тельством того, «какими огромными возможностя-ми мы располагаем и как отстаем от жизни те го-ре-руководители, которые только ищут объективных причин для оправдания своей плохой работы, пло-хого руководства».

Григорий Константинович Орджоникидзе. 1929 год. Портрет засл. деятеля ис-кусств, художника-орденоносца И. И. Бродского

Товарищи Ворошилов и Орджоникидзе уезжают с заседания XVI съезда партии. 1930 год

6 апреля 1932 года в Ленинград приехал Г. К. Орджоникидзе. На снимке — товарищи Орджоникидзе и Киров выходят с вокзала

Союзфото

Союзфото

Прием делегации Грузинской ССР руководителями партии и правительства в Кремле 19 марта 1936 года. Товарищи Ворошилов, Сталин и Орджоникидзе в президиуме (Центральный музей Красной армии)

Товарищи Орджоникидзе и Ворошилов в президиуме Всесоюзного совещания жен командного и начальствующего состава РККА. 1936 год

Фото Лоскутова (Союзфото)

В январе 1936 года Центральный исполнительный комитет Союза ССР наградил тов. Орджоникидзе орденом Трудового красного знамени «за перевыполнение производственного плана 1935 года, за успехи в деле освоения новой техники и инициативу в развитии стахановского движения».

Непосредственно с именем Серго Орджоникидзе связано другое замечательное явление советской действительности—движение жен инженерно-технических работников и хозяйственников.

28 октября 1936 года Серго Орджоникидзе исполнилось 50 лет. Вся Советская страна праздновала этот юбилей, как всенародное торжество. Тысячи приветствий из самых различных уголков Советского союза от рабочих, служащих, колхозников, людей науки и техники, учащихся и красноармейцев, партийных и непартийных большевиков получил в день своего 50-летия любимец, один из крупнейших руководителей советского народа и большевистской партии Серго Орджоникидзе.

18 февраля 1937 года в 17 часов 30 минут внезапно от разрыва сердца скончался Григорий Константинович Орджоникидзе — непримиримый и благородный рыцарь пролетарской революции. Неумолимая смерть оборвала его прекрасную героическую жизнь.

Тов. Серго отдал рабочему классу, всему советскому народу всю свою сознательную жизнь до последнего вздоха, он отдал ее для осуществления бессмертных идеалов человечества—идеалов коммунизма.

Пламенный Серго, любимец всей партии, был всегда с Лениным. С первых лет своей революционной работы до последней минуты своей прекрасной жизни он был сподвижником Сталина.

Вся страна, вся партия, революционные пролетарии всех стран горячо оплакивают смерть этого замечательного человека.

Знамя коммунизма, под которым тов. Серго боролся всю жизнь, находится в крепких, могучих руках. Его несет вперед великая партия Ленина—Сталина. Образ Серго будет вдохновлять всех трудящихся нашей страны на дальнейшую борьбу за победу социализма, за новый подъем всего нашего социалистического народного хозяйства.

Отряд динамитчиков правительственных войск на фронте Талаверы
Союзфото

Самолеты мятежников разрушают лачуги бедняков, квартиры рабочих, школы, больницы...

«Фолькс Иллюстрирте»

Марк Колосов

Шахматы

Варя Горина — жена начальника политотдела крупного дорожного узла — получила от мужа письмо. Привычно пробежав глазами первую страницу, она представила себе перрону большого южного вокзала, звон, шум, потрескивание телеграфа, фыркающие паровозы, — все близкое, родное, потому что это был вокзал ее родного города, в котором протекало ее детство, где она шестнадцати лет вступила в комсомол.

В одной из комнат этого вокзала, — трудно было вообразить в какой, но где-то в самом сердце этого огромного и вечно беспокойного здания, — был он: маленький, живой, с красными, по-детски воспаленными веками, с вечно виноватым выражением слабых, близоруких глаз, Женя Трауберг — ее муж.

В конце письма он жаловался на одиночество, просил взять отпуск и приехать. Убеждал ее приехать поскорей. Шестнадцать лет, конечно, преобразили многое. И все-таки можно не сомневаться, что она встретит здесь своих сверстников, услышит южную родную речь. Чего доброго еще влюбится. «Ну, кажется, привел все доводы, — писал он, — приезжай Варька, будь человеком!»

И то, что он употребил это любимое ее выражение, которым он всегда умел разжалобить ее, когда не действовали никакие доводы, и сами доводы растрогали ее, и она мысленно решила, что поедет.

Когда вопрос уже был улажен, секретарь парткома сделал вдруг серьезное и озабоченное лицо: «Постой, постой, надо навести одну справку!». Горина, скосив глаза, пристально следила за его движениями. Он что-то по-искал в столе, достал газету и раскрыл ее

в том месте, где была суточная сводка работы железных дорог. Он проверял цифры. «Все в порядке, можешь ехать!». Горина расхохоталась. Секретарь парткома тоже рассмеялся и, пожимая руку, сказал:

— Ну, если за эти дни погрузка снизится, будем знать, кого винить. Сколько он тебя не видел?

Горина ответила:

— Это уже позвольте мне знать! — улыбуясь и ушла.

Отличное расположение духа не покидало ее всю дорогу.

На рассвете пыльные вагоны выстроились у перрона. Варя привела в порядок чемоданы, посмотрелась в зеркало. Она несколько не устала, лицо ее не походило на другие лица — вялые, помятые после длительного пути. Сдав вещи носильщику, она пошла на вокзал.

— Несите прямо в политотдел, — распорядилась она. — Товарища Трауберга знаете?

— Как не знать, — сказал носильщик. — Это начальника-то не знать?

В политотделе было много народу.

— Они к товарищу Траубергу, — сказал носильщик молодому вихрастому парню.

— Товарищ Трауберг у себя? — спросила Горина.

— Товарищ Трауберг на линии, — сказал парень, с любопытством разглядывая Горину. — Вы не жена его будете? Он просил, чтобы вы поехали прямо на квартиру.

Сдав вещи на хранение, она вышла на знакомую привокзальную площадь. Был десятый час весеннего просторного дня. На площади кружили трамваи, солнце отсвечивало в асфальте. Она обратила внимание на новый

восьмизэтажный дом, который выделялся среди множества мелких зданий, — в свое время они казались ей огромными.

По мере продвижения к центру было все труднее всматриваться в окно трамвая. Ей трудно было делить свое внимание между городом и горожанами. Прямо против нее, держась за поручень вагона, стоял мужчина средних лет в кожаном пальто и кепи. Свободной рукой он смял газету и, приблизив к самому лицу, пытался несмотря на шум и суетолю читать. Неожиданно трамвай качнулся, и мужчина навалился на нее плечом. Он тотчас же отпрянул, как бы желая подчеркнуть свое намерение оградить спутницу от неприятностей в дальнейшем. Она взглянула на него с признательностью и...

Где она встречалась с этим человеком?... Эти серые выразительные глаза... Вздрагивающий кончик носа... Что-то было связано с ним в ее жизни. Но что? Варя не могла вспомнить.

Вдруг странная и нестерпимая мысль ужалила ее. Она вскочила со своего места и пошла к выходу. Она задержалась на площадке.

— Послушайте, — нагнулась она к вагоновожатому... Вы слышите? Тут будет милицкий пост... Остановитесь...

Дальше все было, как во сне.

— Да, именно вас просят выйти, — козыряя, повторил милиционер, обращаясь к человеку в кожаном.

— В чем дело? — с изумлением спросил он Горину.

— Выйдемте! — сказала Горина.

— Уверю вас, я нечаянно... Меня толкнули. В конце концов, я готов принести вам извинение...

— Выйдемте! — настаивала она.

Он продолжал смотреть на нее внимательными, широко раскрытыми глазами. Вдруг глаза его повеселели. Он что-то сообразил.

— Пожалуйста, если вы настаиваете, — сказал он, улыбуясь, и направился к площадке. — Вы не актриса? — шепнул он, когда они вышли из вагона.

— Это не важно! — порывисто сказала Горина.

— Важен порыв, чувство? Так, что ли? — мягко сказал спутник и затем деланно серьезно обратился к милиционеру:

— Товарищ милиционер, я признаю себя виновным. Я толкнул эту гражданку.

Горина смутилась.

— Не то... Не то... Понимаете?... Возможно, произошла ошибка... Тем более, что вы торопитесь... Вам даже может показаться это смешным: все дело в одной детали... Прошу

вас, уделите мне минут десять, послушайте меня.

На лбу того, к кому были обращены эти слова, собрались недовольные морщинки...

— Охотно...—замыслился он.—Но, право, я तो роюсь... Возьмите мой телефон. Хотите, я приду к вам? Но сейчас мне надо спешить,—и он сдержанно затертил бумажник.

— Граждане, не задерживайтесь! — сказал милиционер.

Горина колебалась.

— Что же вы, гражданка? Трамвай остановили, а теперь раздумываете? Идемте в отделение! — рассердился милиционер.

Горина и ее спутник шли некоторое время молча. Видимо, он делал над собой усилие, чтобы удержаться от ругани. Искоса и зло поглядывал он на медленно шагавшую рядом с ним женщину. Если бы ему не надо было торопиться... Если бы дело не приняло вдруг такого странного оборота. Положительно он не помнит этой женщины. За кого она приняла его? Скорей всего пойдут воспоминания детства. Хуже всего, если он похож на укрывающегося от выполнения своих прямых обязанностей...

— Самое странное, — прервала его мысли Горина, — что все это происходило здесь, в этом городе, было такое же как сейчас солнце, таял снег и всюду бежали ручьи. Помните? Нас вывели из подвала и выстроили на тюремном двореке... Сначала от солнца я ничего не видела, нестерпимая боль резала мне глаза, потом я обратила внимание на разграфленный мелом асфальт. На крыльцо вышли два офицера. Один из них был совсем молод, у него даже волосы ершились на макушке. Он задорно осматривал нас и сказал тому, который был постарше, в пенснэ: «Выбирай любые. Я могу дать тебе фору. Белые или черные? Хочешь, дам офицера, а то и турку!»

Но тот, который был в пенснэ, молчал, рассматривая свои кривые ноги. Раздалась команда, и нас стали расставлять на черные и белые квадраты. Мы оказались друг против друга — на одной стороне все с русыми волосами, на другой — с черными. Прямо против меня стоял студент. Офицеры, бегая вокруг, начали что-то выкрикивать, и каждый раз конвоиры передвигали ту или иную фигуру. Первым увели сутулого крестьянина с впалой грудью и худым, заросшим редкой бородой лицом. Его мучил кашель, и конвойный подождал, пока он успокоится. Несмотря на крайнюю безучастность он, видимо, был доволен, что вышел из игры. Он не знал, что тем самым его выводят из жизни.

В нескольких шагах от шахматной доски был погреб. Туда отправили старика, и вскоре глухой выстрел донесся из-под земли. Четвертой слева стояла девушка с лицом сельской учительницы. От выстрела она вздрогнула и прижалась к рядом стоявшему студенту. Тот, глядя куда-то поверх меня, пожал ей руку...

Горина на секунду прекратила рассказ и исподлобья мельком взглянула на спутника, который не сводил с нее тревожных серых глаз. Горина продолжала:

— Рослый офицер лихо скомандовал, двое конвойных с силой схватили меня, и я очутилась на месте учительницы, двое других подхватили ее и потащили к погребу. Это мною сняли неизвестную мне подружку. Ее «выиграл» кривоногий офицер в пенснэ. Рослый офицер, который был значительно моложе, стал горячиться и доказывать, что ход следует вернуть, что он хотел пойти не этой пешкой, а другой, что это само собой разумеется: бессмысленно — просто подставлять фигуру. Он петушился, кровь сильно прилиwała к его щекам, покрытым легким желтоватым пухом. Кривоногий пробовал возражать каркающим голоском, но тут же распорядился вернуть девушку. Видимо, едва-едва успели отвести от нее дуло револьвера, — она была очень бледна. Между тем игра продолжалась. Стоявший рядом студент попрежнему смотрел поверх меня. Возвращенная девушка страшно ослабела, видно было, что она стояла с трудом, вдруг глаза ее вспорхнули надо мной, она вздрогнула и застыла. Невольно и я взглянула вверх. В глубокой синеве виднелась точка. Она все увеличивалась, постепенно выгнувшись крылья, послышался дальний рокот, — над нами кружил самолет. Настойчивость его кружения притягивала нас, и уже не только мы трое, но взоры всех оборванных и измученных людей, призванных изображать шахматные фигуры, устремились в поднебесье. Уж никто не обращал внимания на уводимых с шахматного поля людей, на гулкие тупые выстрелы. И вскоре эта страшная издевательская игра прекратилась.

Во двор шумно въехал ординарец. Он вытащил из обшлага черески огромный пакет. Кривоногий схватил его, сломал сургучную печать, прочитал бумагу. Я видела, как дрогнули его пальцы. С минуту он стоял в нерешительности, потом резко позвонил конвойного, велел ему идти в корпус. Отдаленный грохот укреплений предположения. «Игра» велась уже рассеянно. Можете себе представить, что переживали мы. Когда опять мною «сняли» девушку с льняными волосами, нервы мои не выдержали, и я закричала. Видимо, это был очень страшный крик, потому что из двадцати сердец в тот же миг вырвался глухой стон и, точно сговорившись, мы бросились на своих мучителей. Я помню, что пальцы моих рук душили горло кривоногого офицера. Вдруг что-то треснуло позади меня, и я лишилась сознания. Что было со мной после, мне рассказывали друзья, а что было с вами... я не знаю. Вы мне расскажете об этом, не правда ли?

— Охотно, но сначала разрешите узнать, кого из всех участников этой ужасной драмы я вам напомню? — тоном ласкового участия спросил в свою очередь спутник.

— Так, значит, это были не вы?

— Кто?

— Тот рослый офицер?

— Что вы! Вы бы так сразу и сказали! — с облегчением вздохнул спутник. — А то заставили меня думать, бог знает что... Ну, можно ли так сбивать с толку еще не старого человека!

— Неужели я ошиблась? — с виноватой улыбкой, со слезами на глазах сказала Горина. — Вы должны меня простить, если это не вы...

— Помилуйте! Какой может быть разговор! — воскликнул спутник. — До тех пор не успокоюсь, пока у вас не останется хотя бы малейшее сомнение... Он достал бумажник, извлек оттуда некоторые документы и с выражением ласкового участия передал Гориной. Она радостно рассматривала их. Невольная слеза упала на обложку партбилета, она бережно смахнула ее. В командировочном удостоверении говорилось, что Иван Петрович Муромцев, директор Леспромхоза, командирован в крайвой центр по делам службы.

— Я сам был точно в таком положении, — говорил Муромцев, с восхищением глядя на нее. — Ваш поступок достоин уважения. Если б все поступали так, как вы, не было бы у нас врагов! Но сколько, сколько еще ротозейства! И очень часто в силу именно этой проклятой деликатности — принять порядочного человека за врага — неловко, неприятно. Но в этих случаях я всегда на стороне тех, кто поступает так, как того требует долг.

Испытывая чувство крайней растерянности и неловкости, Варя продолжала двигаться по панели. Шаг ее потерял уверенность. Она думала о том, как выйти из создавшегося положения.

— Вы должны меня простить, — снова повторяла она. — Бывает поразительное сходство...

— Давно бы так! — сказал милиционер, который также тяготился всей этой историей.

Но директор Леспромхоза подхватил под руку женщину и милиционера, с мягкой настойчивостью повлек их за собой. Теперь это уже походило на веселую прогулку: высокий человек, наклонив голову, изображал коренника, влекущего усталых пристяжных. Его лицо улыбалось, он заразительно смеялся.

— Нет, нет, друзья, я никуда вас не пущу, — нам остается пять минут ходу. Все равно я опоздал. Я ничего не хочу слушать.

— Я спешу на пост, — высвобождая руку, сказал милиционер. — Там стоит дворник. Могут быть дела почище вашего.

— Но, но — неверье в силы дворника? — погрозил ему пальцем спутник.

— Вот то-то и оно, — ухмыляясь, не нашел что ответить милиционер.

— Мне тоже некогда, — сказала Горина, — меня ждет муж. Я только что с поезда.

— Успеете, вас надо наказать. Не заводите шашни с незнакомыми людьми, — балагурил спутник. — Не отпущу!

Так они прошли еще несколько шагов. Милиционер на прощанье вежливо откозырял, пытаясь что-то состричь, потом раздумал, смешался, и лицо его расплылось в какой-то виноватой улыбке. Протянула руку и Варя. Незнакомец нехотя пожал ее, казалось, взгляд его выражал сожаление. Когда уже разжались его пальцы, неожиданно какой-то толк ужалил руку Гориной, — это была, может быть, одна шестая доля секунды. Она вдруг быстрым движением остановила милиционера и, обратившись к спутнику, сказала:

— Товарищ, не уходите. Вот это здание. Войдемте!

Через сорок восемь часов в нем опознал врага.

П. Железнов

Памятный день

В тот день впервые под Москвою
Помчались поезда метро.

Я помню запах свежей хвои,
Театр, украшенный пестро,
И он по площади просторной
Идет к театру, не спеша...

Я думал — первый кепку сдерну
И крикну, чем полна душа!
Но сразу,
Как порывом ветра,
Все кепки сдернуло с голов

И в буре общего привета
Я сам своих не слышал слов.

Он был похож в шинели длинной
На рядовых страны моей,
Когда б не взор его орлиный,
Не эта складка меж бровей.

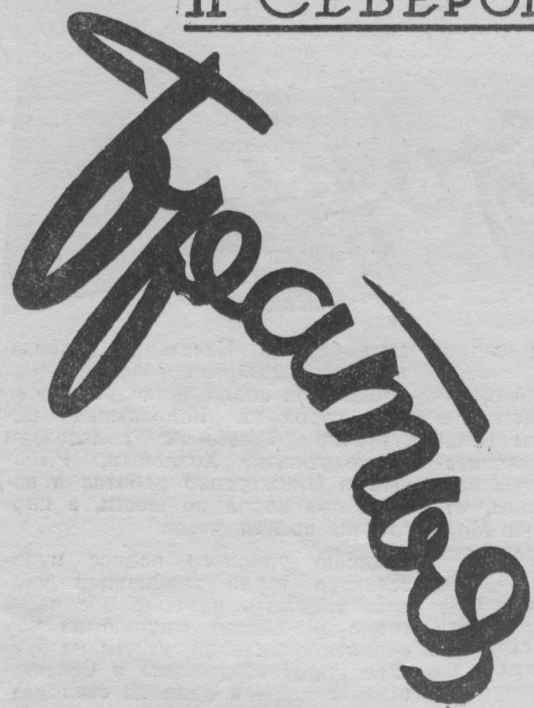
Вокруг смыкалось человечье
Живое теплое кольцо,
И каждый забегал навстречу,
Чтоб заглянуть ему в лицо.

И каждый сравнивал с портретом
Черты знакомые вождя.

Тот,
Кто ведет страну к победам,
Шел,
За руки ребят ведя!

Его соратники шли рядом.
Но трудно передать в стихах
То, что ты видел жадным взглядом
И что останется в веках.

II СЕВЕРОВ

Рассказ

В полночь мы отдали якорь на большом рейде Сингапура. Это был трудный переход. От самого Никобара и до Суматры грохотал девятибальный шторм. В Малаккском проливе все время кружила путаная пьяная волна. Пена шипела на рифах, на скалах, у черных круглых берегов. Мы пробирались наощупь, прислушиваясь к свисту течения, к дальним гудкам кораблей.

Белые огни Малакки проплыли у самой воды. словно крадучись, появлялись и тонули во мгле острова. Но у Сингапура снова проглянули звезды и дымный простор открылся впереди.

Красные фонари нефтяников, беспокойные прожектора крейсеров и целые груды огней на «пассажирах»,—вся огромная гавань дымилась и жила, а дальше начинался город—с надморья до низких туч.

Мы остановились рядом с небольшим суденышком, похожим скорее на паром,—таким оно казалось обтрепанным и смешным. Это был маленький «грузовик», незадолго до нас он пришел с Борнео, из Сандакана. Широкая надпись—«Батавия»—занимала добрую половину его борта. В этот поздний час на «Батавии» не утихла работа. Матросы мыли палубу и красили надстройку; утром у них, наверное, ожидался хозяин, и капитан собирался «блеснуть».

Они работали до самого утра. Южная ночь летела над морем, над островами, над глухими прикритиями фортов. Смутное видение города тонуло в ней, оно растворялось в зыбком течении рассвета, и даже наш маленький сосед истлел во мгле. Но матросы попрежнему переключались на борт.

С рассветом они уезжали вместе с нами на берег отдыхать. Лица их были усталы и сонны. Они ни о чем не говорили до самых причалов. Они сидели на скамье катера тесной семьей и молча курили длинные китайские трубки. Их было тринадцать человек: палубные, механики, кочегары,—весь экипаж, и казалось просто непонятным: кто же остался на корабле?

За большими кварталами набережной, за черной рекой у них были родичи и друзья. Они были и на островах, разбросанных в проливе, на дымном Пулау-брани, Пуло-убин, в доках Селетара. Но матросы не смотрели на берег и у причала они помедлили еще, пока сошли все пассажиры. Может быть, от усталости походка их была медлительна и как бы осторожна здесь, на веселом шумном берегу. Еще только начиналось утро, а город смеялся и жил, большой и цветистый, обвешанный лазурью со всех сторон, окованный крепким бетоном. Только серые здания банков и контор, тяжелые и слепые, хранили на себе остаток ночи. Они стояли сплошным барьером, словно

чужие на этой земле. Мимо их грузных стен шел непрерывный поток автомобилей, троллейбусов и рикш; гул улицы, жизни, движение толпы,—ничто не касалось задернутых стальными решетками окон. Они чернели, холодные и чужие,—они сами были законом.

Рядом, в переулках, было пустынно и тихо. Рослые бородачи с автоматическими ружьями у плеча охраняли эту тишину. Жизнь улицы шла мимо: к базарам, к плантациям Сиклап-род, к рабочим предместьям.

Моряки с «Батавии» тоже не пошли через большой квартал. Они повернули налево, мимо ограды набережной, к портовым землякам.

Я шел вслед за ними, просто не зная, куда пойти, и малайцы вскоре заметили это. Они подождали меня на углу и мы пошли вместе, ни о чем не спрашивая друг друга, как давние друзья.

За торговыми домами китайских купцов начинался базар—дно океана, где осьминоги, розовые и живые, лениво ворочались под ногами рыбаков, где было все, что дает море. Мы шли дальше, к реке. Шумный город раскрывался все шире, и на каждом шагу мои приятели встречали друзей. Это были матросы, рикши, рыбаки, портовые рабочие и торговцы. Они приглашали нас к себе, и в тесных темных лачугах дети смеялись нам и старики делили с нами табак. Здесь жило чувство родины, и мне, дальнему человеку, тоже было радостно с ними и тепло.

Мы долго бродили по Робинзон-род, солнце уже накаляло воздух, и матросы спешили к своим землякам. Вскоре нас осталось трое—этим двум некуда было идти. На бульваре, у памятника Раффлсу, мы молча сидели на скамье, глядя на непрерывно текущую толпу. В просветах улиц, над крышами домов светилось море. Гудки пароходов были слышны и здесь. Большое дыхание порта, как ветер, шло над толпой—оно давало ей жизнь.

Малайцы сидели рядом со мной, они улыбались моему каждому слову, и хотя мы не понимали друг друга, нам было хорошо втроем на этой щедрой и теплой земле. За островами, за морем у них были семьи и кров. Но этот большой солнечный город был им родной. Недаром хижины открывались перед ними и дети смеялись им, как родным. Они ушли с корабля все до одного, только белый капитан остался на вахте, может быть, и это было условием их труда—уважение любви к родине?

Я долго расспрашивал их, стараясь найти понятные слова, они улыбались, качая головами. Старший малаец, работавший кочегаром на судне, понял. Он удивленно пожал плечами и потом долго о чем-то спорил со своим приятелем, юнгой. Оказывается, они не знали даже, какой груз был на их корабле. Они показывали в сторону порта, все время повторяя одни и те же слова:

—«Батавия»... Капитан...—И в глазах их угадывалась скрытая тревога.

...На приколах Сингапура стояли десятки больших кораблей. Черные и пустые, они стали приютом для птиц, одинокие сторожа охраняли эти железные трупы—безработные корабли, брошенные хозяевами и моряками.

Они были веселы, эти обветренные люди. Уже через час, на шумной набережной, они словно забыли о своей тревоге и судьбе.

Громко, как дети, они смеялись забавам фокусника с попугаем, тащили билетки в лотерею и у витрин магазинов мечтали о деньгах. Они мечтали иметь много денег, так много, чтобы хватило купить и костюм, и ботинки, и даже перчатки, как у англичан, но, намечтавшись, они уходили от витрины, без сожаления, только с усмешкой. Они умели смеяться свободно и легко, и простая улыбка человека уже была для них началом дружбы.

На причале для катеров мы стояли втроем и смотрели на море. Попрежнему приходили и уходили корабли. Косые крылья парусников качались на взморье, легкий дым оседал над водой.

От маленькой «Батавии», ярко блесневшей на солнце, шел катер, и лодочники торопливо сторонились с его пути.

—Лоцман?—спросил юнга, и опять, как недавно в сквере, они удивленно переглянулись и пожали плечами.

Катер шел прямо к причалу, и теперь почти рядом с нами, на ступенях, мы увидели пятерых вооруженных солдат. Это были такие же рослые бородачи, как там, в затаенных

переулках. Они ожидали катер, и народ торопливо уходил с причала. Я понял: здесь что-то должно было случиться или уже случилось.

Кочегар и юнга с «Батавии» не двинулись с места; они только теснее прижались к перилам и смотрели на катер, не отрываясь, словно стремясь что-то понять.

Медленно развернувшись, катер подошел к причалу. Два военных матроса выбежали на палубу и молча закрепили концы. Солдаты отошли от перил и стали в ряд, слегка приподняв ружья. Лица их были спокойны и черны, удивительно похожие одно на другое, они застыли как бы в полусне, только громкая команда из рулевой будки заставила их вздрогнуть и немного оживиться.

Из трюма на палубу медленно вышел черный полуголый человек. Он был худ и космат, грязные тряпки едва прикрывали его бедра. Пошатываясь, прижав к груди руки, он сделал несколько шагов и остановился, глядя вверх, на солнце.

Так он стоял, наверное, целую минуту, дряхлый старик с мертвым, неподвижным лицом. Словно лаская, он что-то перебирал прижатыми к груди руками, и, присмотревшись, я увидел тонкую заржавленную цепь. Кандалы!—это забытое слово ударило, как гром. Я оглянулся на моряков, они молчали, тяжело опустив руки. Это были кандалы. Воздух наполнился их тихим звоном, и скованные люди поднимались на палубу вслед за стариком. А он все стоял неподвижно, призрак и вождь отчаяния, и солнце тускло блесело в его пустых глазах, и руки, протянутые вперед, были криком его измученного тела. Их было много, этих протянутых рук, глаз, в которых жадно блесело солнце. Но страшный старик по праву шел впереди, и даже солдаты ему уступали дорогу. Кто были эти люди—рабочие с плантаций, моряки?—Я не спрашивал. Все было ясно. Плечи, согбенные трудом, ноги, сведенные ревматизмом, лица, обугленные зноем и тоской.

Торопливо и молча они выходили на причал, становились в ряды по-трое, и тихий звон, как эхо страдания, непрерывно несся над черной толпой, над этим живым пожаром, над головами, над лицами людей, на которых чудился еще трепет огня.

Сонные и как бы слепые, солдаты кольцом замыкали толпу. Их движения были медлительны и тяжелы, и когда, по команде офицера, сорок арестантов качнулись, делая первый шаг, солдаты пошли вместе с ними, отставая, словно в недоумении или страхе.

Но этого страха не было в черной толпе. Они улыбались солнцу, синему свету дня, синему морю—своей мечте о свободе. Они улыбались нам. Высокий, страшно худой человек, с красной татуировкой якоря на груди, задержался на миг, поднял руки.

—Батавия...—сказал он тихо, с изумлением, и вся толпа вдруг повернулась к нам.

—Батавия?..

—Батавия!..

—Батавия...

Солдаты сомкнулись плотнее, и звон железа теперь заглушил голоса.

Матросы с «Батавии» застыли у перил, лица их стали серыми, губы бледнели. Они ничего не знали до сих пор. Страшный, живой груз их корабля шел мимо. Это шли братья, преданные обманом. Они смотрели в глаза своим тюремщикам, невольным тюремщикам, но они не знали об этом, и матросы ничего не успели сказать. Они стояли у перил причала, онемев и не дыша.

Уже давно утих звон и снова оживились причалы, катер скрылся за большим танкером, а малайцы все стояли на месте, целая ночь лжи отделяла их от родного корабля.

В этом веселом городе я видел сотни калек, растрепавших свои раны, чтобы не потерять сочувствия толпы. Живых мумий голода, людей потерянной надежды—мертвецов опия и алкоголя. Но то были профессионалы, привыкшие к горю, жившие им. Никогда, наверное, я не видел таких несчастных людей, как эти два моряка с «Батавии», которым сказали в лицо:

—Предатели!..

Мы вернулись в город и долго бродили по зеленым кварталам окраин, и матросы даже не думали возвращаться на свой корабль.

С вершины холма было видно море. До самого вечера мы сидели на этом холме, молча глядя вдаль.

Подводные истории

Против Музея севастопольской обороны, на бывшей Екатерининской улице, была когда-то аптека. В революцию аптекарь сбежал и помещение долго пустовало. Только накладные эмалевые буквы на зеркальном окне и вьезшийся фармацевтический запах напоминали о прошлом пустовавшего магазина.

Однажды во время обычного утреннего маршрута в редакцию мы заметили за окнами бывшей аптеки людей в морских бушлатах. Они были сосредоточены и, видимо, очень заняты. С зеркальных окон исчезли белые эмалевые буквы, составлявшие слова «Аптека» и по-французски «Apotheke».

На другой день буквы вновь возникли на стеклах. На сей раз из них было составлено причудливое слово «Эпрон».

Немногие понимали тогда, в конце 1923 года, значение этого слова. Созданной по инициативе Феликса Эдмундовича Дзержинского, Экспедиции подводных работ особого назначения — для краткости Эпрону — предстояло заняться очисткой дна морей и рек. В морских и речных глубинах таилось много богатств, их пустили на дно мины двух войн — империалистической и гражданской.

Люди, сделавшие своим штабом территорию эмигрировавшего аптекаря, были первым отрядом завоевавшего мировую известность краснознаменного Эпрона.

В эти дни они начали подъем затонувшего недалеко от Новороссийска грузового парохода «Эльборус».

Кто только ни пытался поднять его! До Эпрона существовало несколько кустарных судоподъемных организаций. Нередко для сложных работ они привлекали иностранцев. В 1919 году закончились неудачей попытки иностранной фирмы «Мак-Лорен» поднять судно, затем отступили взявшиеся

было за эту работу Черномортран и пришедший ему на смену «Судоподъем». Извлечь «Эльборус» пробовал даже... ГУМ (Государственный универсальный магазин), в те годы была и у него своя судоподъемная партия. ГУМ уступил место Кавказскому гидрострою. Но когда уже всплыл нос судна, оно затонуло снова, и подъем отложили до лучших времен. Времена эти настали с появлением Эпрона. Оперировавшие понтонными, водолазным снаряжением и глубоководным снарядом эпроновцы вытащили «Эльборус».

Пишущий эти строки был свидетелем первых шагов эпроновцев. Ему довелось наблюдать их опыты с глубоководным снарядом, в котором эпроновцы спускались на пятьдесят саженей в морскую глубину. Этот снаряд был для того времени новинкой.

Опыты со снарядом производились на балаклавском рейде. Во время опытов эпроновцы извлекли со дна до двухсот тонн всякого металла, множество обломков кораблей союзной эскадры и между прочим тикового дерева мачту с «Черного принца». Мачта весила около тридцати тонн.

Первая группа эпроновцев, быстро овладевая техникой сложных подъемов, очищала дно Черного моря.

Слово «Эпрон» внедрилось в быт и не требует больше расшифровки. Мастера подводных глубин одержали за эти годы сотни блестящих побед, вернули в строй военного, торгового и ледокольного флота ряд крупных и мелких судов. На каждом море, на больших реках у берегов Тихого океана, даже в Арктике, всюду имеются филиалы Эпрона. Для эпроновцев не существует невозможного. В этом мы убедились снова весной 1934 года.

Я приехал в Севастополь, чтобы вновь побродить по прекрас-

ному городу, с которым связан многими воспоминаниями. Была ранняя весна. Исторический бульвар покрылся розовым пухом цветущего миндаля. С высоты бульвара, где сохранились окаменевшие мешки баласта и редуты времен севастопольской обороны, открывается вид на бухту, на Морской завод и далекую крепость.

Вблизи завода, среди паромов, катеров и нефтевозов, привезенных сюда, чтобы пройти курс лечения, я заметил странное сооружение. Находящееся на плаву, оно напоминало разоруженный на две половины огромный паром. Корма, — ну, конечно, это была корма, — держалась независимо от носа и на довольно большом расстоянии от него. На обеих частях парохода копошились люди.

Это были две половины огромного, вышиной в четырехэтажный дом океанского парохода «Харьков», недавно разбившегося вблизи Анатолийских берегов. В период весенних штормов и туманов паром этот вышел из Одессы с грузом для Лондона, Гамбурга и Роттердама. Находясь неподалеку от Стамбула, возле мыса Кара-Бурну, «Харьков» потерпел аварию, наскочив на мель.

Дул норд-ост, вскоре перешедший в свежий ветер, силою до пяти баллов и непрерывно крепевший. Уже через час после аварии волны, поднятые ветром, перекатывались через палубу парохода. Море бушевало все яростнее. От сильных толчков о песчаный грунт дно парохода получило вмятины. «Харьков» оказался в необычайном положении. Центром своего громадного корпуса он как бы повис на подводном бугре, корма и нос судна, раскачиваемые волнами и ветром, как бы свисали по обе стороны бугра. Буря не давала возможности другим судам подойти к пароходу и снять его с мели.

На третий день разрушительную работу ветра и волн дополнил находившийся в трюмах груз. Набухший от воды горох поднял многопудовые крышки трюмов, распер и изменил форму бортов парохода.

Через несколько суток судно разломило надвое почти до самого дна, словно кто-то гигантской бритвой разрезал его пополам.

Сообщение об аварии «Харькова» появилось во многих иностранных газетах, которые подчеркивали, что место, где потерпел аварию «Харьков», очень опасно. Когда же стало известно, что Эпрон несмотря на безнадежное состояние судна и ужасную погоду приступил к спасательным работам, смыслящая в морских делах английская пресса заявила, что «только русские могут с явным риском делать такую глупую попытку, как спасать в это время года — возле Кара-Бурну явно погибшее судно».

Севастопольская партия Эпрона героически поработала у Анатолий-

ских берегов. Начальник водолазной группы Правдин четыре часа провел под водой, исследуя состояние парохода. Водолазный инструктор Тульба с водолазами Болховитиным, Хохловым, Рыбиным и Шинкаренко работал в воде и под водой по шести, а иногда по восьми часам.

Ценою упорного, подчас мучительного труда эпроновцам удалось удержать на воде обе части судна и, сделав каждую из них водонепроницаемой, увести на буксире корму «Харькова» в Севастополь, а нос — в один из стамбульских доков.

В эту пору был кем-то выдуман такой анекдот:

— «Харьков» оказался самым большим паромом в мире. Его корма находится в Севастополе, а нос в Константинополе.

Вскоре эпроновцы доставили в Севастополь и вторую половину парохода. Заводу удалось восстановить «Харьков», который сейчас вновь бороздит большие морские дороги, совершая кругосветные рейсы.

В конце 1936 года помощник начальника севастопольской партии Эпрона, Григорий Иванович Варивода, рассказал мне замечательную историю одной подводной находки.

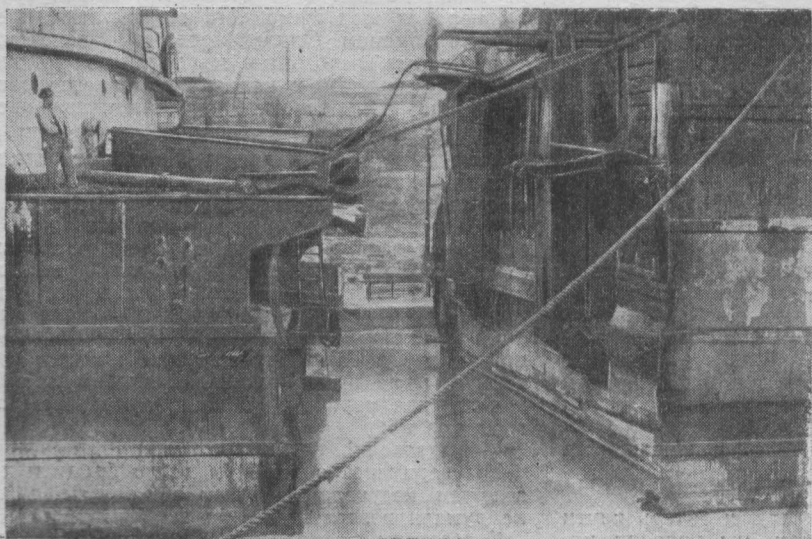
Водолазы, искавшие на дне Черного моря затонувшую много лет назад подводную лодку «Краб», неожиданно обнаружили лежащий на подводной скале большой грузовой паром.

Стали рыться в документах об авариях на Черном море за последние два десятилетия. Ворошили память старых моряков-черноморцев. Никаких сведений о гибели парохода в районе Круглой бухты, возле Стрелецкого порта, не обнаружили.

Водолазы проникли в затонувшее судно. На нем не было ни трупов, ни шлюпок. Следовательно, команда успела спастись. Эпроновцы обшарили ящики в столах кают и нашли какие-то бумаги. По этим, сильно испорченным водой документам удалось выяснить происхождение таинственного судна. Оказалось, что это — болгарский паром «Борис», пришедший в Севастополь во времена белогвардейщины.

Подъем «Бориса» оказался делом чрезвычайно сложным даже для таких испытанных мастеров подводных глубин, как эпроновцы. Трудность заключалась в том, что паром лежал не на грунте, а на скале, под которой невозможно было промыть тоннели, чтобы подвести под паром понтон.

Эпроновцы решили впервые применить новый метод подъема судна. Водолазы, взяв с собою электросварочные аппараты, под водой приварили к бортам «Бориса» огромные проушины. Теперь было за что ухватиться. Подтянутый

«Пароход «Харьков», разбившийся при аварии на две половины и в таком виде спасенный Эпрон»

железными тросами и охваченный после этого понтонами, пароход оказался как бы в огромной люлке. Его подняли на поверхность, а потом перенесли на мелкое место.

...Выслушав рассказ о подводной находке, я тотчас же отправился к месту стоянки «Бориса». Подъехав к нему вплотную, мы увидели незабываемую картину. Пароход от носа до кормы был покрыт густым слоем морских ракушек. Водоросли, тина и ил свисали гирляндами, придавая совершенно фантастический облик судну, пролежавшему шестнадцать лет под водой. Казалось, что весь пароход, со всеми его надстройками — мостиком, рубкой, рулевым управлением — сделан из отливавших перламутром на осеннем солнце ракушек.

Судовые механизмы, обросшие ракушками и тиной, отлично сохранились. Прекрасно сохранились также палуба и деревянная отделка. Эпроновцы заделывали «Борису» пробойну, готовя к капитальному ремонту.

— Находка эпроновцев будет подарком самому же Эпрону, — сказал товарищ Варивода, — «Борис» после ремонта станет нашей пловучей базой. В 1937 году он войдет в строй.

На снимках: Слева — перед спуском под воду. Справа — водолаз В. И. Правдин, руководивший работами по подъему парохода «Харьков». Тов. Правдин поднимается на поверхность после длительного пребывания под водой. Внизу — пароход «Борис» после шестнадцати лет пребывания под водой. Мостик, рубка, труба парохода покрыты морскими ракушками

АНТОНИО ГОЛЬ

Погиб Антонио, погиб
В часы расплаты!
Еще звучит предсмертный хрип:
«Мои... гранаты...»
Еще летят к друзьям во флот
Слова привета,
А он в последний рейс идет
Из лазарета!
Кронштадт, Кронштадт, он был сродни
Твоим матросам!
Какую душу в эти дни
В Мадрид принес он!
Сближая средиземный вал
С Балтийским морем,
Моряк, он маяком вставал
Над нашим горем.
О, как любил он повторять:
«Мы будем драться,
А удирать, а умирать
Не нам, кронштадтцам!»
С матросской песенкой своей
У губ сомкнутых.
Он полз в огонь, в разгул смертей,
Считал минуты...
Но смерть бежала от него!
Он полз — и взором
Искал хотя бы одного
Из тех синьоров,
Что заварили этот ад,
Что славят Сида,
Но мавров шлют на Петроград,
На штурм Мадрида!
«Юденич, Франко, Мола, Чорт.—
Плевать на имя!
Бутылочку первейший сорт
Распил бы с ним я!
Мол, ты — подлец. И в этом соль!
Но будь, как дома!
Синьор, вас угощает Голь
Бутылкой... грома!»
Мы видели его в бою:
Боец завязтый,
Всю боль, всю ненависть свою
Он влил в гранаты!
Бутылками своих гранат—
Гремучим валом —
Танкетки, танки — «шутись, гад!» —
Привстав, смывал он!..

Антонио! Ведь это ложь,
Что песня спета:
Ты не в могилу, — в бой идешь
Из лазарета!
Антонио! Любимый друг!
Боец без дрожи!
Он с нами, твой кронштадтский дух,
Ты с нами — тоже!
Ты снова ринулся в бой,
Все ближе к цели,
Ты множишь подвиги свои
В Карабачеле!
Твой голос — он еще звучит:
«Мадрид! Мужайся!
На всю Испанию, Мадрид,
Как Петроград, твой брат, Мадрид,
Рванись — раздайся!»

На привале

Фото Г. Зельма

ЭПИЗОДЫ будущей войны

Валерия Герасимова

БАБА

Пленная сидела, откинувшись всем телом назад, голова ее в простой ситцевой косынке утомленно прислонилась к серому стволу осины, на коленях неподвижно лежали большие, тяжелые, рабочие руки. Издали казалось, что сидит какой-то или очень дряхлый или изнемогающий от усталости человек, — вблизи оказывалось, что это еще не старая и не утомленная, а зверски и, как видно, изобретательно избитая женщина.

Все ее вспухшее кровоточащее лицо было точно опалено, в уголках растрескавшихся, как от нестерпимой жажды губ алела кровавая пена, и казалось, только светлые серые глаза еще жили на этом умершем лице.

Рядом с ней стояли приведшие ее сюда лейтенант бортмеханик Ганс Шюльпе, с тяжелым маузером в руке, и пилот, высокий, сухопарый капитан Артур Фохт.

Тяжелая рукоятка маузера, зажатая в руке Ганса Шюльпе, была в крови.

Положение летчиков было крайне затруднительным: потеряв направление, они вынуждены были сделать посадку и в кратчайший срок ориентироваться, чтобы полететь именно к своим, а не в расположение сил противника, которое, как они уже неоднократно могли убедиться, неожиданно менялось.

И у этой как будто бы совсем простой женщины, у этой случайно попавшейся к ним русской крестьянки они должны были любой

ценой получить самые простые, но кровно необходимые и спасительные для них сведения.

Их легкий самолет, их любимый «Рихтгофен», как верный залог спасения, блистая на солнце алюминиевыми крыльями, стоял на опушке осиновой рощи, заведенный и готовый к полету. Капитан Артур Фохт кончиком сапога приподнял поникшую голову женщины.

— Она молчит, — сказал он, — и будет молчать, как животное, даже тогда, когда ее начнут резать. Ваша энергия, дорогой Ганс, едва ли затрачена целесообразно. В силу целого ряда обстоятельств как исторического, так и биологического порядка, определенный разряд людей мало доступен для восприятия страданий. Еще в мае 1914 года под Стоходом я принужден был отметить это странное обстоятельство. Они умирали, как мухи.

Седые усы командира, еще вытягивавшегося в строю перед великим императором Вильгельмом II, дрогнули от презрения.

— Ба-ба, — произнес он несколько замедленно, но очень отчетливо то слово чужого языка, которое крепко удержалось в его памяти еще со времен кампании 1914 года.

— Ба-ба, — повторил он с видимым наслаждением еще раз это грубое, короткое, дикое слово.

Услужливо усмехнулся и молодой толстощекий Ганс Шюльпе, всеми силами старавшийся

«учиться жить» у своего опытного, закаленного и, как он полагал, чрезвычайно образованного начальника, который знал все: и афоризмы Ницше и методы бактериологической войны в тылу противника.

— Ба-ба, — вслед за начальником повторил и он.

— Но, господин капитан, когда я только принялся за нее, она что-то бормотала.

— Я достаточно знаю русский язык, — холодно возразил капитан, — чтобы разобраться в ее бормотании. — Ты, ба-ба, — крикнул он, наклоняясь к неподвижно откинутой голове в косынке и показывая рукой по направлению к невысоким холмам, — ваши там?

Светлые серые глаза смотрели на него с неизменным равнодушием.

— Или... там? — с мучительным напряжением крикнул капитан, указывая рукой в противоположную сторону.

Женщина молчала.

Не выдержав унижения своего начальника, Ганс, поднес маузер к темной, в крапинках косынке.

— Раз, два, — считал он, не спуская вспыхнувших прозных глаз с утомленного, точно спящего лица женщины.

— Подождите, — остановил его начальник, — это, Ганс, мы всегда успеем. Надо лететь, чорт возьми!

Секунду он подумал:

— По литературе известно, да и путешествуя в 1911 году по Кюмо, я неоднократно убеждался в этом сам, что у низших расовых племен гораздо резче развит рефлекс жадности, чем рефлекс страданий.

И капитан Артур Фохт, вынув золотые часы, точно забавляя ребенка, поиграл ими перед серыми неподвижными глазами женщины.

Она молчала.

Капитан выпрямился, вытер лоб, в глазах его засветилась тоскливая, почти мистическая ненависть.

— Низшие расы в течение тысячелетий не меняют своего облика... Меня забавляет, например, это широкое лицо, платок на голове и что-то вроде гимнастерки на этой бабе. В 1914 году, сталкиваясь с ними в прифронтовой полосе, я неоднократно отмечал...

Капитан, удовлетворенный, что урок самовладения не проходит даром для его подчиненного, все же прервал речь, услышав отдаленный, но могучий удар тяжелого орудия.

Казалось, даже светлые алюминиевые крылья «Рихтгофена» нервно дрогнули.

— Это они, — сказал Ганс Шюльпе, побледнев, — я полагаю, господин капитан, что лучше полететь наугад, чем еще немного задержаться здесь.

— «Наугад» — слово характерное для русских, — ответил сухо капитан, — не надо горячиться и терять голову, Ганс Шюльпе. Мы все же должны попытаться помимо этой кретинки ориентироваться хотя бы приблизительно. Нам следует пойти на ближайший холм.

— А как, господин капитан, с ней? — спросил Ганс Шюльпе, кивнув на женщину. — Сейчас?

— Повторяю, что это всегда успеется, — сказал капитан значительно. — А вам, Ганс, удалось привести ее в такое состояние, что эта дама вряд ли сможет сделать больше пяти шагов.

И два пилота — высокий, стройный, сухопарый Артур Фохт и коренастый и широкоплечий, с крепко посаженной круглой головой Ганс Шюльпе, — не оглядываясь на поникшее у осины тело, направились к сиявшему нежной зеленью холму.

Удары тяжелых орудий все учащались, только теперь они слышались и слева, и справа, и, казалось, даже сверху. Не дойдя трех шагов до возвышенности, пилоты поползли, затем припали к биноклям.

К тяжелым ударам орудий неожиданно присоединились бесстрастные, ровные и поэтому особенно безжалостные голоса пулеметов, и в этом тревожном потоке звуков капитан и его помощник не сразу уловили до ужаса знакомый, привычный для каждого летчика

звук — звук, страшное значение которого стало им понятно минуту позднее.

Минуту позднее перед ними прошло видение, поразившее их на весь тот короткий отрезок времени, который им еще оставалось просуществовать.

На опушке осиновой серебристой рощи, чуть подрагивая на ходу, бежало блестящее стройное тело «Рихтгофена». Отбжез от рощи, оно легко отделилось от земли и радостно, спо-

Бор. Левин

Случай в госпитале

Нашим врачам и сестрам пришлось немало повозиться с ранеными солдатами фашистской армии. Они категорически отказывались принимать лекарства и пищу, будучи уверены в том, что их отравят. В первые же дни военных действий с Советским союзом фашистское радио и фашистские газеты бесконечно много писали и говорили «о зверствах большевиков». Продажные писаки красочно описывали, как советские враги истязают раненых фашистских воинов. «Насытившись страданиями несчастных, они их медленно отправляют на тот свет», — уверяли эти писаки. Специальные фильмы и плакаты говорили о том же. Свиноподобная сестра с отвратительной улыбкой предлагает лекарство раненому белокурому солдату с явными чертами арийца. Подпись на плакате гласила: «Даже когда вас ранят, — не сдавайтесь в плен. Все равно большевики отравят вас на больничной койке»...

Врачи и сестры полевого военного госпиталя энского корпуса, где главным образом были сосредоточены раненые пленные, вначале недоумевали, почему больные отказываются от пищи и лекарства. Догадавшись, в чем дело, они быстро нашли выход из положения. Прежде чем давать лекарство больному, сестра из этой же бутылочки наливала лекарство себе в ложечку и выпивала его. Точно так же она поступала и с пищей: вначале сама попробует, а потом предлагает больному. Сестра Катя страдала больше других. Она терпеть не могла манной каши, а теперь во время дежурства ей приходилось съедать не меньше пятнадцати ложек этой самой каши и еще при этом не морщиться.

Через несколько дней, когда больные убедились в том, что никто и не собирается покушаться на их жизнь, вся эта «каторга», по выражению сестры Кати, кончилась. Раненые повеселели, охотно проглатывали лекарства и еще с большей охотой опустошали тарелки с бульонами, стаканы с кашей.

Один только Пауль продолжал оставаться недоверчивым. На этот раз функции сестры выполнял его сосед по койке — Эрнст. Он, для того чтобы Пауль был абсолютно спокоен, отправлял к себе в рот с каждого блюда не одну ложечку, как это раньше делала сестра, а две, а то и три ложечки.

Вскоре Паулю это надоело и он предпочел, так же как и другие раненые, без предварительной дегустации посторонних съедать свой завтрак, обед и ужин.

Окрепших раненых отправляли в тыл... Неожиданно на участке энского корпуса противник прорвал фронт. Госпиталь не успели эвакуировать. Неприятель немедленно сменил весь советский медперсонал. С такой же быстротой исчезли и продукты, предназначенные для больных.

Однажды поздней ночью Паулю не спалось, он на костылях вышел в коридор покурить. Дверь из кабинета главного врача была приоткрыта. Пауль услышал странный разговор, который вел главный врач с комендантом госпиталя.

— Где же логика? — спрашивал взволнованный врач. — Многие из них поправятся и смогут снова вернуться в армию... Все эти безногие, безрукие при современной технике протезов смогут быть полезными людьми обществу.

— Не учите меня, доктор, — грубо прервал его комендант. — Вы не учитываете того эффекта, который это произведет на нашу армию и на весь мир. Гораздо полезней будет для нашей нации принести в жертву этих не-

койно, торжествующе поднялось над нею, управляемое решительной, крепкой, бесстрашной рукой опытного пилота.

Оно поднялось над землей, чтобы оставить представителям «цивилизованной расы», как последнюю память о русской бабе, окровавленную простую косынку у тонкой осины. И с каждым ударом орудий, с каждым звуком пулеметной стрельбы, все уже, все теснее стягивающееся кольцо смерти.

счастливых калек. И потом мне надоело вас уговаривать. На войне не уговаривают... Приказ есть приказ. Извольте к завтрашнему утру, не позже одиннадцати, составить акт о том, что, — отчеканил комендант, — большевики, удирая, отравили раненых. Вы представляете доктор, — добавил он с пафосом, — какая это будет сенсация для всего мира! Мы все это заснимем... Штаб обещал прислать кинооператора... Да, это будет лучшая иллюстрация к разговорам о зверствах большевиков. Без дела, без доказательств разговоры остаются только разговорами...

Пауль, стараясь как можно тише стучать костылями, пробрался к себе в палату. Он вспотел от страха. Что делать? Надо спасти себя и товарищей. Он разбудил Эрнста и все рассказал ему.

— Тебе это, наверное, приснилось, — заметил Эрнст, недовольный тем, что его разбудили. — То тебе мерещилось, что нас красные хотят погубить, то уж свои... Спи и не мешай другим спать, а то уж светает, — и Эрнст повернулся спиной к Паулю.

— Это не сон! Клянусь тебе, Эрнст! Эрнст! — взывал Пауль, но тот его уже не слушал.

На рассвете сестра принесла больным на подносе кофе. Она поставила стаканы на столы и ушла. Больные начали просыпаться.

— Ну, что, жив? — спросил насмешливо Эрнст у Пауля.

Но бледное и осунувшееся лицо товарища не на шутку испугало его.

— Хочешь, сейчас проверим? Кис-кис, — поманил он вошедшую в палату рыжую кошку. Кошка, мяукая, подошла к кровати Эрнста. Он налил в блюдечко кофе и поставил на пол.

Эрнст и Пауль тревожно следили за кошкой. Кошка вылакала кофе, не облизываясь, медленно пошла к выходу и у самой двери упала замертво.

— Она умерла! — закричал Пауль, хватая за руку Эрнста. — Она умерла!

— Да, да, — прошептал Эрнст... Товарищи! — закричал он громко на всю палату: — Не пейте кофе, оно отравлено!

Поднялся невообразимый шум. Все бросилось к дверям, где лежала бездыханная кошка. Пауль рассказал о ночном разговоре доктора с комендантом.

— Они хотели нас отравить, а потом свалить все на большевиков, — выкрикнул кто-то, угрожая костылем.

На шум и крик вбежали сестры, появился доктор. Заметив мертвую кошку, он тотчас же исчез.

Комендант вошел в палату с вооруженными солдатами.

Через два дня, когда наши вновь заняли этот госпиталь, они были страшно удивлены, обнаружив в сарайчике для дров безногих, безруких солдат противника с огнестрельными ранами в черепах.

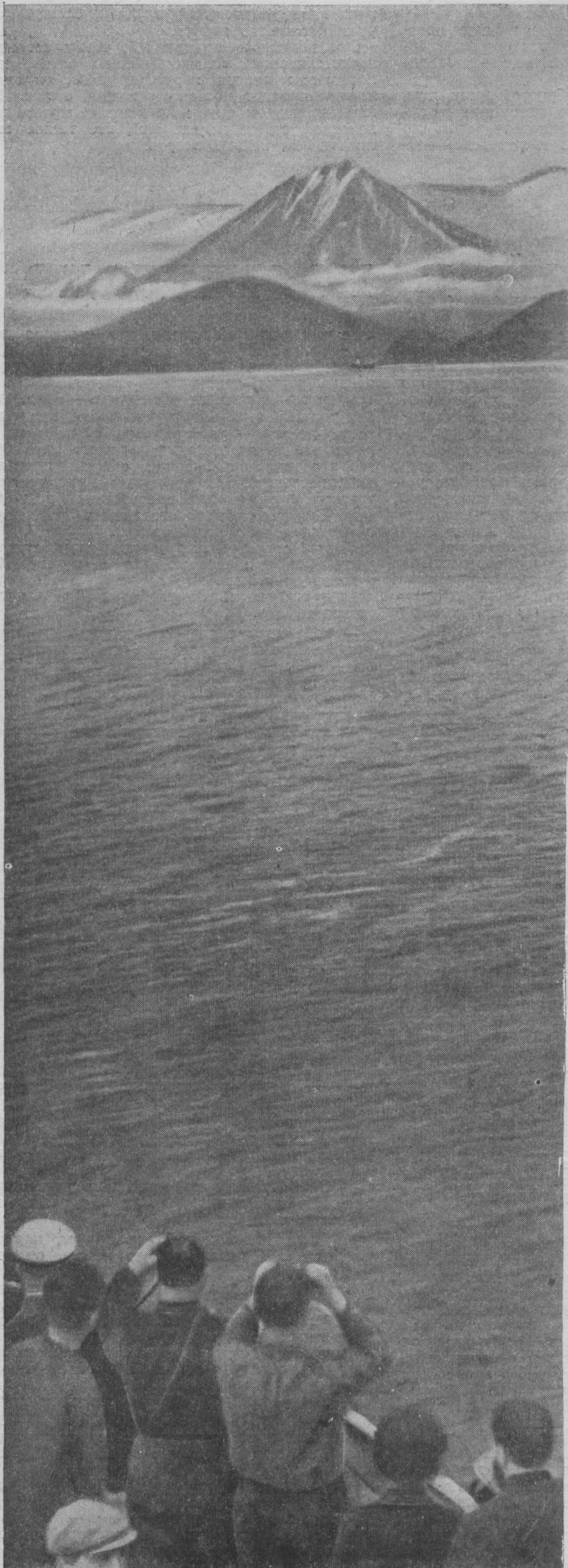
— Зачем они убили своих же раненых? — недоумевали наши.

Главный врач госпиталя, которого нашли в этом же сарайчике, толком ничего не мог объяснить.

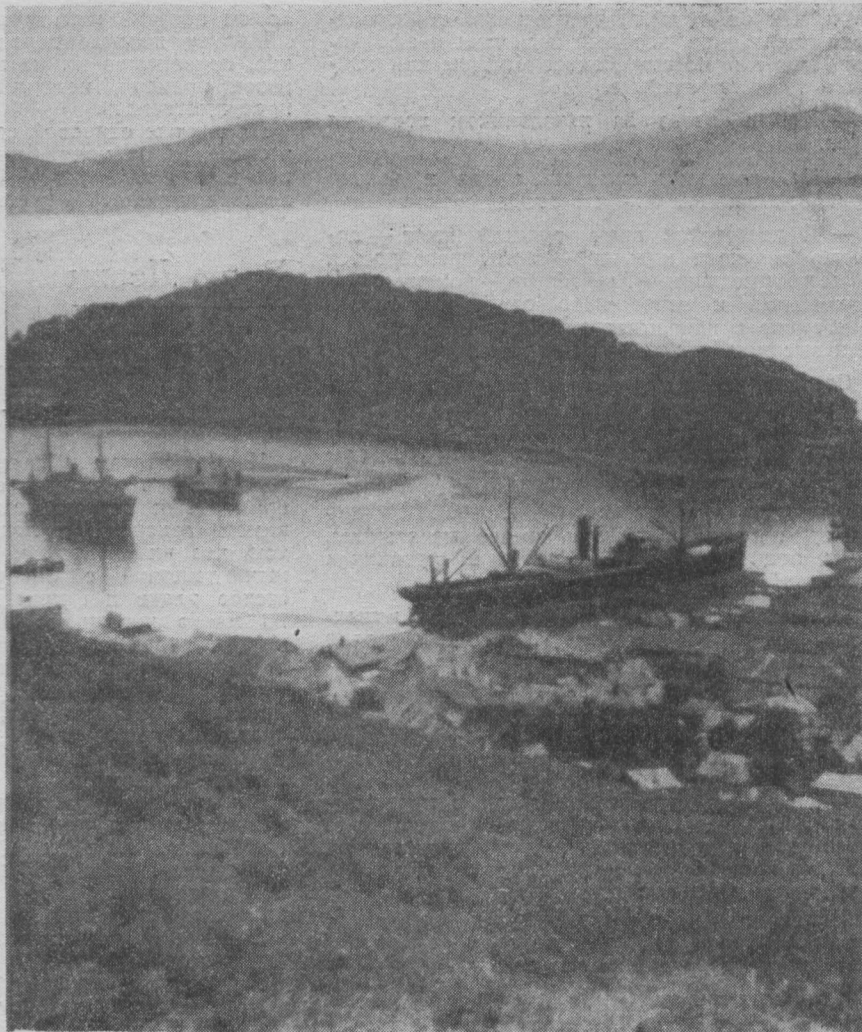
— Я спрятался от своих... Я боюсь их... Я раньше был фашистом, а теперь я не буду.

— Ну, хорошо, — говорили ему. — Можете и не быть фашистом, если не хотите. Ваше дело. Но объясните, откуда эти трупы?

Врач очень подробно все рассказал. И трудно было поверить этому, настолько это было чудовищно.

Пароход «Свердловск» подходит к Петропавловску-на-Камчатке.
Вдали Вилуйская сопка

... На склоне горы появился

101 ДЕНЬ В АРКТИКЕ

2. В бухте Провидения

Очерк Л. Берта

Фото Д. Дебаова

Наш корабль вышел из Владивостока в ясный полдень. Пройдя мимо огромных зеленых утесов, с весело рассыпанными белоснежными домиками, мы вышли в открытое море. День кончился. На безукоризненно чистом небе загорался закат. Московские и орловские закаты тусклы и нищи в сравнении с дальневосточными — буквально сотни красок, которых нет ни на московском небе, ни на палитрах, ни в магазинах! Насчитали четыре золотых, пять желтых, два фисташковых и около десятка розовых цветов.

Мы вышли в Японское море, оно играло битым серебром.

Пассажиры познакомились друг с другом. Молодой ученый геолог Сафронов, — говорят, десять лет назад он был ломовым извозчиком в Ленинграде. Теперь это один из талантливых энергичных исследователей наших недр. Дитмар «старый» полярный волк, тоже геолог. Летчики, едущие на авиабазу мыса Шмидта. Учительница, русская, старая полярница, обучившая много десятков маленьких чукчей родному и русскому языку. Начальник Медвежьих островов — врач Крашенинников. Новый начальник острова Врангеля — тов. Долгий. Его жена. Она займется на остро-

ве культурно-просветительной работой. С Долгим едет несколько эскимосских семей — новых островных поселенцев.

Шумный он, наш пароход. Шумно на твиндэке, шумит переполненная людьми носовая палуба. Нижняя палуба — в сложных настройках катеров и навесов. Катера поменьше и большие катера — кавасаки, на которых будут работать экспедиции. На кормовой палубе — скот и полярные собаки. Часа в два ночи раздастся вой собачьих вожakov, легкий и вопросительный. Двухминутная тишина, потом быстро нарастает клавиатура всех воображаемых воев, наконец, сплошной, навзрыд, с всхлипываниями собачий хорал. Северная лайка воет не только на луну, но и на любой предмет: на сумерки арктической ночи, на северное сияние, на незнакомого пса и просто так — от трудной собачьей жизни.

Мы увидели на горизонте пирамидальный розовый вулкан. Это первый из Курильских островов. Гора в глубоком дыму горизонта кажется шаткой и плывущей.

Идем Сунгарским проливом почти посредине Японского архипелага, видим Японские острова — страну рыбаков, рыбаков бесстрашных и неутомимых. На утлых каваса-

новый советский город — Петропавловск-на-Камчатке

как в сумасшедшие штормы, в тайфуны морские труженики Японии работают мастерски, как на зеркальном озере. Они передвигаются по пляшущим и скользким доскам, как по граниту мостовой. У нас они были бы знаменитыми людьми, стахановцами моря, их знала бы вся страна. Здесь они — наемные рабы, безмянные и бесправные.

Трудовая Япония питается морем — рыбой, морскими червями, устрицами, крабами, водорослями, морской капустой. Вокруг нас качаются семь-восемь рыбацких суденышек, и рыбаки в клеенчатых шляпах приветствуют наш пароход. Недавно был шторм, они промокли с головы до ног, раскидывая огромную, в гектар, сеть. Просят нас посторониться, не разрезать сеть. Мы, уважая труд, вежливо берем лево руля, с ботов нас благодарят.

А вот и господа Японии. На горизонте японский контрминоносец. Серый силуэт то пропадает, то вновь возникает, сопровождая нас до камчатских вод. Время от времени выскакивает с боку нахальный сторожевой катер. Любопытствуют... Контрминоносец наконец отстает.

Мы подходим к Камчатке, к ее южной оконечности, мысу Лопатка. На высоком мысе — силуэт пограничника. Нам кажется, что на далекой синей полоске берега откроется Сочи. Однако открывается камчатский огромный массив из величественного порфиристого и гранитного камня, на сотню метров под прямым углом срезанный в море. Леса, утесы, заливы, маленькие бухты. Как хороша эта советская земля!

Все сгрудилось у левого борта. Глубокие воды совершенно спокойны. Над высокой линией розовато-зеленого обрыва играет закат

всеми мыслимыми цветами. В далеком небе — белое треугольное облако, — это вулкан. На Камчатском полуострове несколько вулканов — Ключевский, Авачинский, Кроноцкая сопка и другие. Клок бродячего тумана застрял в воротах Петропавловской бухты, и пароход долго нацеливался, чтобы, не помая боков, пройти в бухту. Замечательная бухта! Она, как растопыренная кисть руки. Пальцами от большой бухты врезаются в горный берег малые бухты. Огромная зеркальная бухта укрыта от ветров зеленеющими горами. Зелень сыроватая, сочная. На склоне появляется новый советский город Петропавловск. Новый, потому что лет шесть-семь назад населения в нем было менее двух тысяч человек, сейчас — свыше шестнадцати тысяч. Крупные пароходы пристают к самому берегу, настолько глубока бухта.

Возле портовых ворот — сквер, первый сквер на Камчатке. Годы два назад его разбили моряки с ледокола «Красин». За сквером — главная улица. Она шоссирована. Деревянный тротуар, невысокие деревянные дома. Улица тянется на несколько километров: Петропавловск переполнен, быстро возводятся новые дома.

Главная отрасль хозяйства на Камчатке — рыба. В камчатских водах множество крабов. Они отлично обрабатываются и сотнями тысяч цветных консервных банок в аккуратных ящиках погружаются на пароходы. Их душистое нежное мясо в яркораскрашенных жестяках считается тонким блюдом и в Париже, и в Лондоне, и в Нью-Йорке.

На Камчатке главной хозяйственной организацией является Акционерное камчатское общество. Оно

руководит рыбными промыслами. У него свои совхозы, огородные, животноводческие, молочные, зерновые, овощные. На выставке чрезвычайного областного съезда советов мы видели полновесную камчатскую пшеницу и рожь, огурцы, тыквы, картофель, капусту и другие овощи.

До революции Камчаткой правил царский губернатор. Он объезжал Камчатку, собирая дань с камчадалов и ороchon. Иногда за губернатором следовала походная, из меховых шкур, церковка. Полярный поп кропил водой «язычников» и лалял непонятные молитвы, звучащие, как грозная ругань. Это и был весь «культпросвет» царских чиновников. Местные народности вымирали от темноты и болезней. Сейчас многие десятки стационарных и кочевых школ открыты в селениях ороchon, камчадалов, алеу-

тов и чукчей. Камчатка становится грамотной и культурной.

В Петропавловске несколько библиотек, школы, техникумы, кино. Театр, к сожалению, в прошлом году сгорел; строят новый, большой. В кино мы застали фильм «Петер». Строятся новые больницы, родильные дома. Население увеличивается, главным образом за счет приезжих, но все более увеличивается количество камчатских, петропавловских младенцев. Народ съезжается сюда преимущественно из больших наших городов: Москвы, Свердловска и Владивостока. Разговоры, интересы, культурный уровень те же, что в Ленинграде и Москве.

Постепенно приезжие начинают испытывать привязанность и любовь к огромному зеленому вулканическому краю, земле неизведанных и невероятных богатств. Не-

На улице Петропавловска-на-Камчатке

Эскимосы-охотники бухты Провидения

терпеливо хочется населить его и возделывать. Воздвигнуть крупные города, построить порты в удивительных бухтах, проложить дороги на фоне снежных вулканов и гейзеров, кипятилок которых стынет на морозе. Чтоб кипел этот советский край, не похожий по природе на другие места нашей родины.

С увлечением строят Петропавловск. Через два года, уверяют, будет здесь пятьдесят тысяч жителей. В этом году начнут возводи-

вать бетонные корпуса, построят каменную улицу. Прокладывают дорогу с восточного на западный берег полуострова. Вскоре можно будет совершать автомобильные поездки по камчатским джунглям с остановками у гейзеров, радиоактивных кипятиков небывалого вкуса. Подготавливается строительство большого Петропавловского порта и других портов вдоль побережья.

В синеватых камчатских сумер-

ках покидаем Петропавловскую бухту, самую красивую бухту нашей страны. В безупречно чистом море колеблется столб лунного света. Чернеют горы, круто срывающиеся вниз. «Свердловск» выходит в открытое море. Нам предстоит пятидневный ход до ворот Арктики — бухты Провидения.

Стало меньше народу на пароходе, многие сошли в Петропавловске — вулканолог, комиссия Наркомпищепрома, камчатские маши-

нистки и жены петропавловских мужей. Остались пассажиры действительно дальнего плавания, сто процентные полярники. Море холодело и серело. Мы стояли на спардеке у борта и высматривали моржей. Воду, как снаряды, разрезали дельфины — морские свиньи. Они шли семьями, эти обтекаемые, как торпеды, существа. Они играли в перегонки с пароходом, отставили, огибали его, шли рядом. Но моржей не было. Только на третий день после выхода из Петропавловска из солнечной волны вынырнул гладкий и мокрый, полный ленивого добродушия морж. На его лице с запорожскими усами было написано крайнее любопытство.

Ход моржей в восточных морях еще недостаточно изучен. Говорят, отдельные моржи-бродяги уходят далеко на юг, но в общем моржевые стада, под давлением охотников, отодвигаются в ледовые области. Морж, его сородич лахтак и маленькая, пуца в полтора нерпа составляют очень важный продукт питания и всяческого использования. Из шкур моржей делают непромокаемую обувь и одежду. Ремни из моржевых шкур необыкновенной прочности. Из них выделывают фабричные трансмиссии, лодки, легкие байдарки. Чадным нерпичьим жиром освещают яранги. Едят нерпу и моржа в разных видах. Лакомством считается вареная печень моржа. Мясо его вялят и силосуют. Оно тлеет и киснет, в течение долгих месяцев зарытое в землю, потом поедается с большим удовольствием. Такое мясо называется «копальхен».

На горизонте огромные темные скалы и между скал — ворота в бухту Провидения. Бухта грандиозна и окружена величественными черными горами, у нее несколько заливов — «подбухт», основная — бухта Эмма. Бухта Провидения

Бухта Провидения. Доктор Ляк осматривает эскимоску Алили и ее сына Сигонилика

защищена от ветров, пожалуй, лучше даже, чем Петропавловская. Это ворота нашей восточной Арктики: бухта расположена у самого входа в Берингов пролив.

Самой географией ей предназначено в будущем стать крупным арктическим портом. Здесь будут готовиться к ледовым походам арктические корабли, здесь же будут они заканчивать полярные рейсы. В бухте Провидения будет одна из основных угольных баз Арктики, ремонтные мастерские, управление всем хозяйством восточной Арктики. Города еще нет. Но он будет.

Садимся в катер. В нескольких десятках метров от берега на цыпочках спускаемся в лодочку из голубой парусины. Мы не дышим; от дыхания кажется, что лодочка опрокинется. Тихонько высккиваем на берег. Ноги коснулись арктической почвы, идем, танцуя, по гуттаперче вечной мерзлоты. Земля сейчас оттаяла и поросла бледной анемичной травой. В травке попадаются желтые и лиловые цветы, они лишены запаха и очень недолговечны.

Ранняя весна еще не убрала следов зимовки. Сотни консервных банок, молочных, какао, мясных, фруктовых неуютно блестят перед домом полярной станции. У начальника в комнате двухъярусные койки. Здесь дорог каждый кубический дециметр отепленного пространства. Все комнаты невелики. Только столовая побольше; она же красный уголок и клуб. Невдалеке от станции странное сооружение, похожее на кузов крытой брички. Это баня. В ней могут париться одновременно только двое. За баней—изба, густо обложенная дерном. Здесь живет начальник порта Провидения, порта, который будет. Сзади станции «собачьи ряды»: под навесом лежат двенадцать-пятнадцать собак, линяющих и отдыхающих с весны. У берега — метеостанция, на самом берегу — угольная гора. Идет бункеровка угля на наш пароход. Рогожи с углем плывут по тросам с берега на нижнюю палубу «Свердловска». Погрузкой заняты и команда и пассажиры.

Механик станции Галина Бетхер и радиомеханик Ефимов показывают нам радиостанцию и моторы, бесперебойно действовавшие в течение целой зимы.

Между крохотной баней и метеостанцией пассажиры «Свердловска» начинают игру в волейбол. Игра разгорается с южным азартом. Зимовщики, сидя на лавочках, дышат сыроватым, но безупречно чистым воздухом арктической весны.

На лечебный пункт станции пришла эскимоска Анау со своим сынишкой Нини, он простужен. Эскимоски горячие, заботливые матери: Анау несла сына верхом на голове несколько километров. Эскимосы больше не верят грязным вшивым шаманам. Они верят пахнущим лекарствами, чистым, в белых халатах советским врачам. Тов. Бетхер в промасленных штанах быстро пронеслась в мастерскую. День в «Провидении» в разгаре.

Мы собираемся на противоположный берег — там школа, фактория, эскимосский поселок, погранпункт. Кроме того там сегодня концерт московских музыкантов и артистов.

На цыпочках—в лодочку, с лодочки — на катер. Режем зеркальную поверхность бухты Эмма. Приехали, прыгаем с носа в пену прибоа.

В большой светлой комнате фактории с потолка свисают сотни

Эскимоска Анау со своим сыном Нини

Эскимосы Ава и Ятылин искусно вытачивают из моржевых клыков художественные фигурки

песцов, черных и светлых лис. Женщины, приехавшие с материка, восторженно смотрят на мягкие пушистые меха.

Пришел весь эскимосский поселок: мужчины, старики, женщины

и дети. И все сели наземь. Женщины вынули из мехов груди и стали кормить детей. Уже вечерело. День, потеряв одну пятую света, становился летней полярной ночью.

Музыканты сели у окна. Переводчик объяснял эскимосам, кто такой Бетховен, которого будут сегодня играть. Пятидесятилетний эскимос — охотник Анук, читающий газеты, спросил, что слышно в Москве. Ему ответили:

— Москва стала еще больше, растет и будет еще больше.

— Как поживает Сталин? — спросил Анук.

Ему ответили:

— Очень хорошо.

— Га! — крикнул необыкновенно громко Анук. «Га» — означает удовольствие.

Эскимосам понравились бетховенские бури на низах. Понравилась очень русская пляска.

У эскимосов сильно развито чувство ритма. Необычайное ощущение ритма обнаружила десятилетняя девочка-эскимоска, танцевавшая танец ворона. Руками и телом она в точности повторила тяжелый, ниспадающий, кривой лет ворона. После концерта начались разговоры. Эскимосам надоели яранги, они хотят жить в деревянных домах. Вся трудность — в подвозе леса. Вскоре в Арктику придут лесовозы, и чадные яранги начнут быстро исчезать. Эскимосы хотят жить в комнатах с окнами и спать на кроватях. Трудно представить, как у них сильна тяга к культурной жизни.

Близилась полночь, но свет не убывал. Мы осматривали школу. Учитель тов. Павлов — полчукча, полурусский. Школа пропустила многие десятки мальчиков и девочек. После школы они продолжали учение и сами стали учителями, воспитывая в тундре и на

культбазах сотни малышей. Советская школа за какие-нибудь десять лет преобразила молодое поколение. Но это только начало.

В бухточке Пуловер Севморпуть устроил ремонтную и слесарную мастерские. Эскимос Ава и эскимоска Ятылин первые слесари и механики — эскимосы. Они прекрасно ремонтируют байдарочные моторы. У эскимосов большая склонность и способности к слесарному делу, к работе над металлом. Крохотная мастерская станет со временем заводом, а эскимосы — мастерами морских моторов. Ава и Ятылин также токари. Они артистически обтачивают из моржевого клыка фигурки, смеющиеся и печальные, охотников и зверей, шахматы и ножи. В работе над моржевой костью никто не сравнится с северными народами.

На берегу разложены плотно перевязанные тюки лахтаковых и моржевых шкур: их отбирал специалист по шкурам Капаурген. Ремни, сделанные из этих шкур, служат века, они неизнашиваемы. Качества моржевой кожи мало известны на Большой земле. Когда из нее научатся делать обувь, это будет переворот в обувном деле. Что кабанья, крокодилья, буйволова кожа!

Около двух часов ночи. Пограничники с зимовщиками опять начали горячую игру в волейбол.

В два с половиною часа ночи мы уселись читать книжки и разговаривать. Толкуем о будущем полярном городе, здесь, в «Провидении». Об обтекаемых шестиэтажных домах, с которых соскальзывали бы сумасшедшие чукотские ветры, об уличном освещении из мощных прожекторов, пробивающих слепую пургу, о тепле, о прекрасном тепле, занесенном людьми социализма в самые крайние дома на земле.

Московский артист Асатур Григорян исполняет «Испанскую серенаду» Глазунова перед эскимосами в бухте Провидения

Фото М. Небогатовой

МОЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

25 февраля исполнилось пятидесятилетие артистической деятельности Марии Михайловны Блюменталь-Тамариной.

В связи с юбилеем правительство наградило артистку орденом Трудового красного знамени.

На своем юбилейном спектакле в Государственном академическом Малом театре М. М. Блюменталь-Тамарина выступила в роли Мотыльковой в пьесе В. Гусева «Слава».

Мы приводим ниже написанный по просьбе редакции рассказ народной артистки об ее жизненном пути.

Я родилась в 1859 году в Петербурге, где окончила Мариинскую гимназию. Два года давала уроки, но страсть к театру еще с гимназической скамьи овладевала мною все сильнее и сильнее. Слушая в Александринском театре «Сцены из народного быта», сочиненные и исполнявшиеся артистом И. Ф. Горбуновым, я стала рассказывать их своим знакомым.

В 1880 году я вышла замуж за артиста Александринского театра А. Э. Блюменталь-Тамарина. Муж ввел меня в среду таких блестящих артистов Александринского театра, как М. Г. Савина, К. А. Варламов, В. Н. Давыдов, Ф. П. Горев и другие. Общение с этими корифеями сценического искусства все больше и больше разжигало желание пойти на сцену. После переезда в Москву (мой муж был переведен на работу в Малый театр), я познакомилась с великой плеядой актеров: М. П. Садовским, Н. А. Никулиным, Макшеевым, Решимовым, А. И. Южиным. С А. П. Ленским я была знакома еще в Петербурге, куда он приезжал на гастроль.

В Москве, наконец, осуществилась моя мечта. В 1886 году я начала выступать в любительских спектаклях кружка, в котором играли А. Р. Артем, К. С. Станиславский, А. А. Федотов (сын Г. Н. Федотовой) и другие. В кружке мне пришлось сыграть две-три роли молодых женщин, но случай заставил меня как-то исполнить роль старухи. На этом спектакле присутствовал М. П. Садовский, похваливший мое исполнение и сказавший: «не отбивайтесь от ролей старух». Как бы с благословения этого великого мастера, я начала в молодые годы играть роли старух, ставшие моими основными ролями.

В 1887 году я была принята великим магом и волшебником М. В. Лентовским в народный театр «Скоморох», который помещался на Средненевском бульваре. Проработав в «Скоморохе» два сезона, я уехала в провинцию и играла в Тифлисе, Харькове, Ростове-на-Дону, Владимире и других городах. В 1911 году я приняла приглашение вступить в московский театр Корша и проработала в нем до 1933 года — момента его ликвидации, после чего вступила в славную семью артистов академического Малого театра, где работаю по сей день.

Дореволюционная жизнь артистов, работавших в провинции и вообще в частных театрах, была трудна в материальном, бытовом и творческом отношениях. Жалованье мы получали посезонно. Кончался зимний сезон, и возникала забота, где бы устроиться на лето; проходило лето, и снова хлопоты, где проводить зиму. И так все время. Кроме того нужно было чрезвычайно спешно готовить новые роли, прямо «печь, как блины». Об углубленной, серьезной творческой работе нельзя было и думать.

Только с приходом советской власти, национализировавшей театры, мы получили постоянную работу, отпуска с сохранением содержа-

Народная артистка Союза ССР Мария Михайловна Блюменталь-Тамарина

Рис. худ. В. Тарасовой

ния, о чем раньше и мечтать не могли, и, главное, прекраснейшие условия для глубокой творческой работы.

Исключительно внимание, которым окружен труд артистов в нашей стране. Впервые актерская профессия стала пользоваться любовью и уважением широких масс. Актеры избираются в органы управления страны, редактируют и утверждают тексты Конституции Союза ССР. Я лично являюсь членом Московского совета, где веду большую общественную работу.

Необычайный расцвет нашей великой родины, неповторимый, великолепный советский зритель побуждают нас к все большему совершенствованию своего мастерства. Мы забываем о своих годах и чувствуем себя ровесниками нашей молодой страны. Величайшая забота о нас партии и правительства, мудрого и любимого вождя народов товарища Сталина вдохновляют и обязывают нас отдать все свои силы служению социалистическому искусству, служению нашей великой родине.

ПУШНЫЕ ФАБРИКИ

Фото С. Сеферова

Какой зоологический сад может пойти в сравнение хотя бы со средним звериным питомником, вроде того, что находится в Пушкине, под Москвой? Правда, звериный питомник это промышленное хозяйство — пушная фабрика, и зверей там разводят ради меха, а не для того

чтобы показывать посетителям. И все-таки у каждого, кому удастся попасть сюда в качестве зрителя, сразу разбегаются глаза и он против воли оказывается захваченным удивительной жизнью звериного города.

«Город» окружен высоким трехметро-

Мех американской мускусной крысы ондатры — лучшая имитация котика

вым забором. За забором улицы и перекрестки, снова улицы. По обеим сторонам улиц высокие проволочные вольеры с маленькими домиками внутри, в которых живут драгоценные канадские черносеребристые лисы.

Трудно еще где-нибудь увидеть такое количество лис сразу, их около полутора тысяч. Почти все лисы одного возраста — весной щенки похожи на маленьких черных собак, летом — это резвые и веселые подростки, пронзительные голоса их слышны чуть ли не за километр в округности, а к зиме — взрослые молодые лисы, впервые одевающие свой черный с сединой богатый мех.

В таком виде они обычно и заканчивают свою жизнь. Когда мех становится достаточно хорош, лисы идут на убой, и на мехообрабатывающие фабрики направляются партии свежих черносеребристых шкур, а в столовой питомника появляются лисьи отбивные котлеты, которые расцениваются любителями выше свиных.

Лишь самые лучшие экземпляры лис остаются на племя. К весне у них появляется потомство.

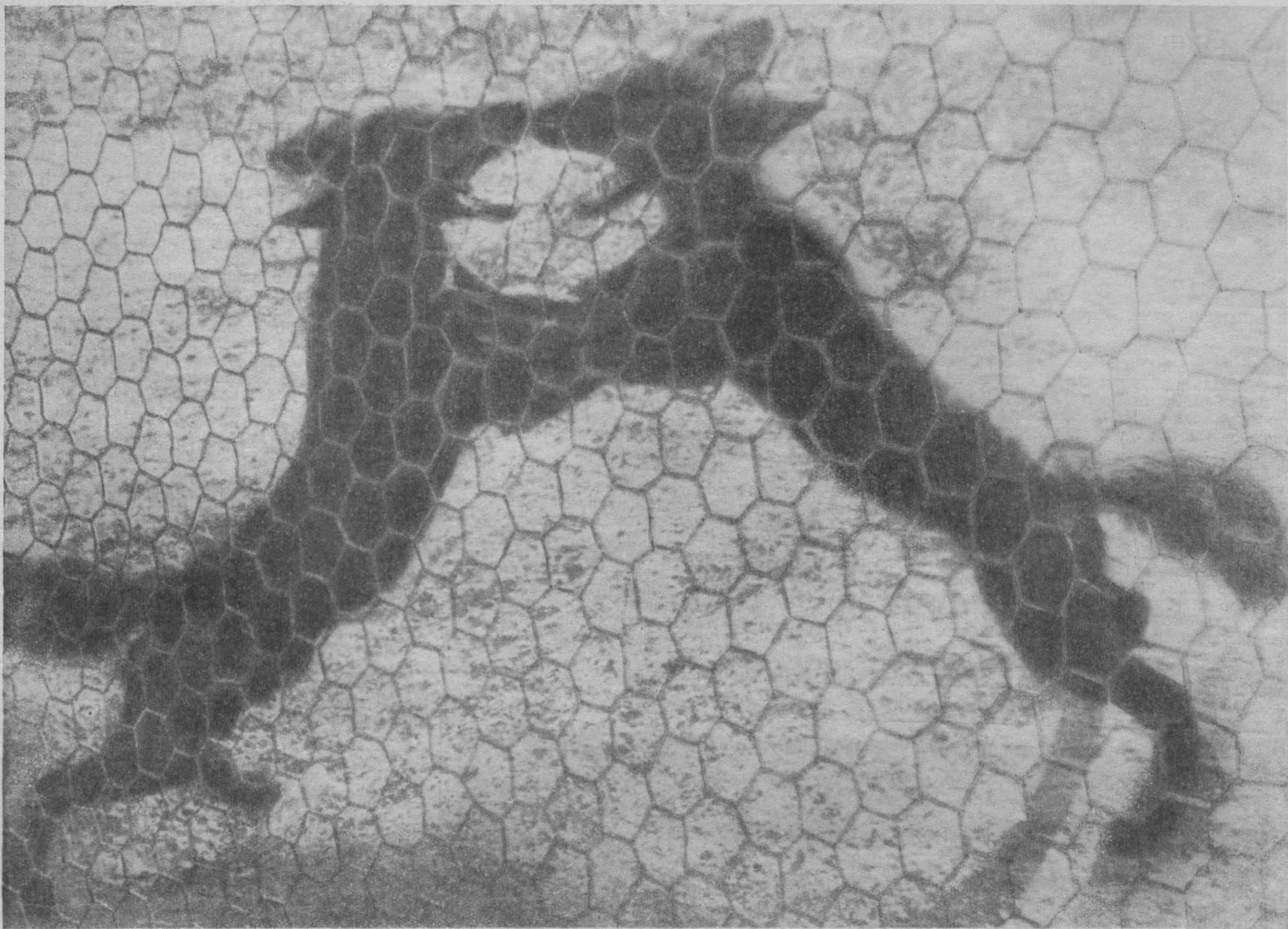
Неподалеку от лисих улиц звериного города начинаются другие. Здесь живут куницы — ловкие и проворные водяные хищники. Их меньше, чем лис, и живут они несколько иначе, но и их ожидает в конце концов та же судьба.

В маленьких домиках живут редкостные баргузинские темные соболя. Работа с соболями только начинается, но и то, что уже есть, вызывает немалое удивление.

Соболенок «Мустафа» был вскормлен после смерти матери кошкой. «Мустафа» подрос, но продолжает дружить со своим молочным братом — котенком

Куница, родившаяся в питомнике

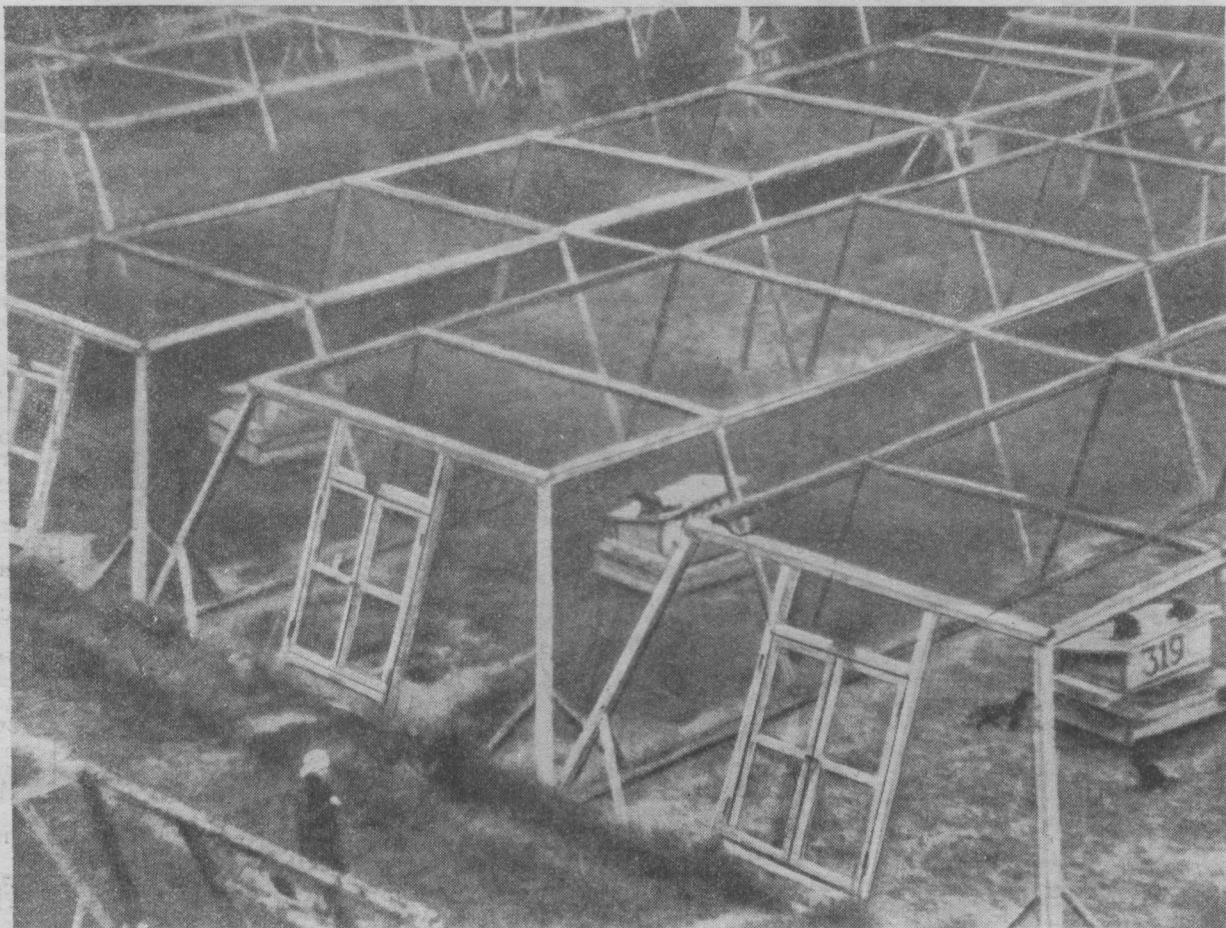
Когда наступает время кормежки, вольеры наполняются визгом. Маленькие лисицы затевают драку, норвоя укусят друг друга

Советский союз — первая в мире страна по своим пушным богатствам. От льдов Арктики, среди которых бродят песцы и белые медведи, до камышевых зарослей в поймах рек Таджикистана и Дальнего Востока, где попадаются тигры, — тянутся охотничьи угодья Советской страны. Драгоценный соболь в Сибири, камчатский бобр, современница мамонта — выхухоль, уцелевшая в бассейнах Волги и Дона, и немало других ценных пушных зверей живут только в Советском союзе. Русские меха много сотен лет славятся во всем мире, и сейчас ни одна страна не может похвастаться таким обилием и богатством мехов, как Советский союз.

Но, может быть, нашей стране следует довольствоваться своими природными богатствами и нет нужды разводить зверей искусственно? Конечно, нет. Спрос на меха с ростом благосостояния в нашей стране все увеличивается.

На Севере на нескольких островах организованы питомники белых и голубых песцов, где звери получают корм, но живут как бы на воле.

На болотах Кавказа и Средней Азии несколько лет назад поселился специально привезенный из Южной Америки болотный бобр, или нутрия, зверь, дающий мех, именуемый в продаже «обезьяньим». На других болотах, севернее, прижилась американская мускусная крыса — ондатра, дающая мех, называемый американской выхухолью — лучшую имитацию котика. На Урале, в Сибири, даже в Московской области существует большое количество специальных звериных совхозов. В больших вольерах и на отгороженных площадках питомников этих совхозов живут соболя, куницы, выдры, лисы, еноты и другие звери.

На улице звериного города. В каждом вольере — домик, где лисицы прячутся от непогоды

ГВОЗДИ

Рассказ

Баржи с грузами западывали в полярный порт. Видно было по всему, что они не дойдут и зазимуют где-нибудь в среднем плесе могучей сибирской реки. В полярном порту, в глухой тайге, в кедровнике, листовке, на мхах, зыбунах и кочках начиналось большое строительство. Еще недавно по утрам хозяин тайги — медведь приходил сюда к реке пить воду, ловил рыбу, собирал кислицу и бруснику, нетронутую людьми. Но, заслышав шум поднимающегося города и дым костров, он изменил свои маршруты. Кругом на сотни километров было всего лишь несколько станков и в каждом станке по два-три дома. Здесь жили потомки казаков, первых поселенцев на крайнем севере сибирской реки близ выхода ее в Ледовитый океан. За три сотни лет язык местных русских людей претерпел немного изменений, и слушая говор речных аборигенов, каждый новый человек невольно переносился к временам Ермака и Ивана Кольцо. Потомки казаков привозили в порт свежую рыбу, выловленную сетями. Омуль, муксун, чир, нельма были незнакомы прибывшим людям. Комлистые, низкорослые деревья напоминали морковь, воткнутую вершиной в землю. Земля

пружинила под ногами. Туманы стлались по унылым берегам.

Начальник «Полярстроя» Светов ходил с прорабами и десятниками по просекам тайги, поглядывая в план будущего города, вычерченный на голубой кальке.

— Пока еще строим, а что будем делать, если баржи не придут, сказать не могу, — заметил Светову главный прораб.

— Да, без гвоздей ничего не построишь, — сказал Светов. — И ведь угораздило же наших снабженцев погрузить все гвозди на баржи, шедшие в последнюю очередь!

— Должно быть гвозди во-время не прибыли по железной дороге к месту отправления барж, — начал было один из прорабов.

— Во-время или не во-время, но дома-то мы должны строить! — перебил его Светов. — Привезли тысячу человек, где им жить? В тайге? В палатках? А пятидесятиградусные морозы? А снега? Потом зимой и будем друг друга раскапывать. Ведь палатки снегом занесет по самую крышу! А мы, вместо того чтобы работать и готовиться к навигации, будем ходить с лопатами!

Поваленные лиственницы и кедры лежали

рядами. Здесь, в просеках, должны были пройти улицы города. Сердцевины стволов были пусты. На тонких пнях в местах среза можно было насчитать свыше сотни колец. Значит сотни лет росли эти чахлые деревья на вечной мерзлоте, покрытой толстым слоем мха. Недалеко в тайге кричали кедровики. Между кочек лежал старый заячий помет.

Светов курил трубку кепстена. Английский табак пришел сюда, на лесную опушку мира, с иностранными пароходами. Иностранцы покупали на севере сибирский лес, приплавленный в полярный порт плотами со среднего плеса реки и ее притоков. Аромат английского табака смешивался с пряными запахами сибирского багульника. В поваленной тайге стоял пока всего лишь один дом. Десятки домов, прибывшие в порт в разобранном виде, должны были встать на неназванных еще улицах в ближайшие дни. Но для стройки не хватало гвоздей. Это задерживало строителей. Короткая полярная осень приходила к концу. Тонкие кривые березки отшумели. Оголились лиственницы, и лес казался пустым, как после пожара. Пролетели на юг клинья уток и вереницы гусей и лебедей.

— Есть выход! — сказал Светов, выколачивая трубку о ближайший пенек. — Слетаю до барж и привезу на самолете гвозди.

— Да, но, позвольте, до барж отсюда около двух тысяч километров. Навигация кончается. То же и гляди станет река. Как же вы вернетесь на гидросамолете? Ведь к нему не приставишь лыж? Самолет-лодка не оторвется от льда с тонной груза. А на лед с такой машиной не сядешь!

— Мы поговорим об этом с нашим летуном, как он скажет, — заявил Светов.

Летчик Ногин жил в четырехместной палатке, вмещавшей как раз весь экипаж двухмоторного гидросамолета. В кормовом отсеке этой машины помещалось до десятка пассажиров. Светов думал, что вместо пассажиров он возьмет на этот раз гвозди. Не все ли равно самолету?

— Товарищ Ногин, — обратился Светов к летчику. — Мне надо слетать на юг и обратно. Как вы на это смотрите?

— А чего же смотреть? Раз надо, полетим. Но не откладывайте, чтобы зима нас не прихватила. В три дня скатаем туда и обратно. И зима за нами не успеет.

— Обратно с грузом полетим! С гвоздями!

— А мне не все ли равно? Лишь бы ящики в горловину люка прошли да летать без перегруза.

— Тогда по рукам! Завтра чуть свет летим! Положенное такое, чтобы промедление, действительно, смерти подобно.

— Есть-есть, завтра летим, — повторил приказание Ногин.

Весь вечер экипаж самолета заправлял баковое отделение горючим. Катали к берегу бочки с авиационным бензином и маслом и перекачивали ручной помпой в баки самолета. Фонарь — «летучая мышь» висел на уцелевшей лиственнице и тускло освещал тихую протоку, где стоял на привязи у самого берега большой самолет.

— Что это вы машину, на зиму глядя, заправляете? — сказал сторож бензинового склада. — Неужели лететь собираетесь, непутевые головы!

— Надо, отец, лететь, вот и летим, — ответил Ногин, похлопывая старика по плечу.

— А зачем лететь в такое время? Дни стали короткие. По утрам забереги. Скоро и шуга пойдет. Разве только вот совсем улетае, это дело другое.

— Надо, отец, лететь за гвоздями.

— За гвоздями? — недоверчиво переспросил старик.

— За ними самими. Стройка останавливается без них. А жить-то людям надо. Вас тут гусыня человек. Придет зима — в палатках много не наживешься.

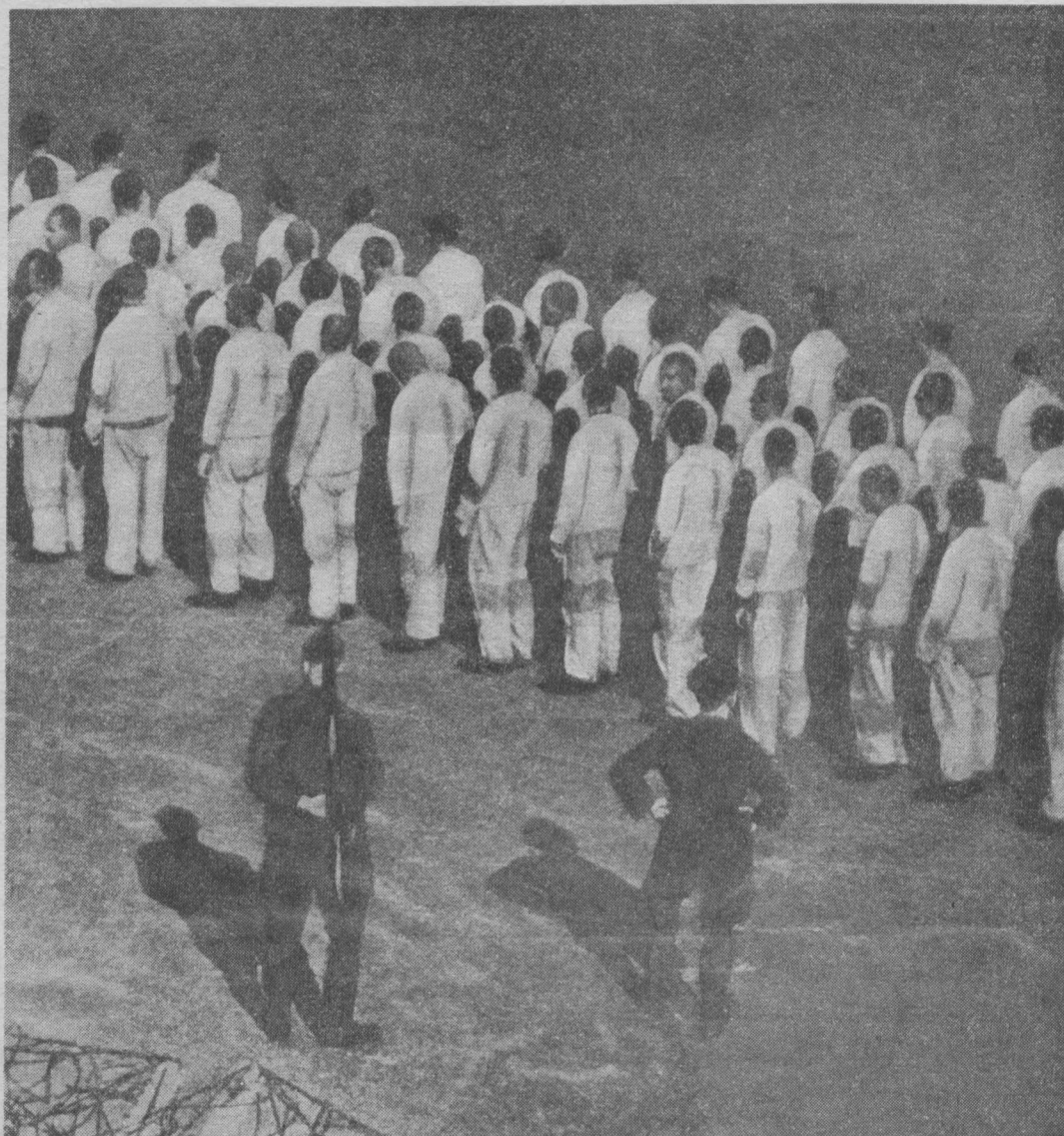
— Это верно. Только чудно что-то. Летать за гвоздями. Вот уж непутевые!

И старик зашагал в своем длинном тулупе по дощатому настилу мостовой вокруг бензинового склада.

— Эх, жили-были три брата: Фунтик, Гвоздик и Влезло. Что Гвоздику Влезло? — спросил Ногина летнаб Ткаченко.

— Брось ты свои шутки, не до них сейчас, — отмахнулся пилот.

— Людей возили, пушнину возили, медвежат для зоопарка и тех возили на самолете, но гвоздей что-то еще не приходилось, — сказал снова летнаб.

В концентрационных лагерях фашистской Германии томятся десятки тысяч человек. В них заключены лучшие представители германского народа. На снимке — один из концентрационных лагерей в Германии

«Фолькс Иллюстрирте»

— Становимся понемногу домовыми извозчиками, — заметил дядя Ваня — младший бортмеханик самолета. — Лет через десяток будут пассажиры к нам в порядке живой очереди подходить и требовать: давай, слетаем за валенками, за калошами, за чорт еще знает чем на Большую землю...

— Ничего подобного, — перебил его Ткаченко. — К тому времени у каждого гражданина будет по своей машине, а мы будем сидеть где-нибудь в затоне, как на бирже извозчики, и зазывать:

— Пожа-пожа, я вас катаю!

— А я-то думал, что нам завтра челяп-челяп домой, — хмуро сказал старший бортмеханик Ляпсин. — А тут вот оно что получается: еще три конца делать! До барж долететь! Вернуться в порт! И из порта сыпать опять на юг к железной дороге. Пожалуй, в неделю-то не обернешься.

— Надо обернуться в три дня, — сказал Ногин. — Вопрос стоит так: даешь гвоздей, и никаких гвоздей!

После заправки самолета Ногин ушел к себе в палатку. У машины остались летнаб и бортмеханики, чтобы опробовать моторы.

— Как часы! Как часы! — восхищенно говорил Ляпсин, прислушиваясь к гулу моторов. — Вот в книгах пишут обычно про пилотов, а много ли написано про механиков? Да ничего, ни столечки! — и Ляпсин показал кончик мизинца.

— Это верно, — подхватил дядя Ваня. — У пилота и пронзительный взгляд, и могучие плечи, и широко расставленные ноги, а у нашего брата мастерового... Но посмотрели бы на бортмеханика тяжелой машины во время какой-нибудь полудры в воздухе...

— Вот именно! — почти закричал старший бортмеханик, найдя сильную поддержку. — Эта работа на одних нервах! Тут какой ни на есть зычный голос и широкие плечи тебе не помогут.

— Умственная работа! — сказал дядя Ваня.

— А все равно, какой ты ни будь умственный механик, но при плохом пилоте — грош тебе цена и нечего на бога слюной брызгать, — заметил летнаб Ткаченко, безучастно слушавший до того разговор.

И потекла такая обычная для летчиков и моряков беседа о том, кто важнее на корабле — водители или механики?

К спорившим вышел из палатки Ногин.

— Что вы тут раскудахтались? Спать пора! Завтра рано вставать. Ваши головы должны быть ясными, как стеклышко. Нечего дискуссионные вопросы поднимать. Слушал я вас, мои дорогие, и вспомнил, как заспорил таким манером старший механик с капитаном на одном пароходе и порешили поменяться местами. Капитан спустился в машинное отделение, а старший механик поднялся на капитанский мостик.

— И кто вы думаете сдался первым? — спросил Ногин летчиков, прищуря левый глаз.

После секунды молчания заговорили сразу все. Механики кричали, что сдался, конечно, капитан. Летнаб уверял всех, что проиграл, разумеется, механик.

— Так вот, мои дорогие, — со свойственной ему медлительностью и спокойствием продолжал Ногин, — первым сдался... — тут он выдержал небольшую паузу: — капитан! «Я не могу запустить машины», — крикнул капитан в переговорную трубу на капитанский мостик стоявшему там старшему механику. «Ол райт! И не надо! Мы уже на мели!» — обрадованно ответил старший механик.

Спорившие дружно рассмеялись.

— Так вот, друзья, каждый из вас, на самолете или на корабле, делает свое важное дело. И капитан, и механик, и пилот, и бортмеханик...

К утру брезент палатки покрылся инеем. Люди дрожа выбегали из нее, чтобы полить из чайника воды друг другу на руки. Замерзшую за ночь воду подогревали на камельке.

— Погода подходящая! — сказал Ногин. — Слетаем по-культурному!

Небо было ясное, голубое, безоблачное.

— Сегодня бы сделать посадку у самых барж, вот это было бы толково, — заметил Ляпсин.

— Постараемся, только бы моторы не разломались! — ответил Ногин.

Осенний вечер подкрался скоро, и Ногин продолжал полет в сумерках. Это было опасно, но пилот выигрывал во времени. Надо было до зимы успеть вернуть машину к желез-

Эпизод воздушного боя над Мадридом. Правительственная авиация отогнала самолеты фашистских бандитов. Население с радостью наблюдает победу республиканской авиации
«Фолькс Иллюстрирте»

ной дороге, к авиаремонтным мастерским и поставить на капитальный ремонт.

Начальник «Полярстроя» Светов сидел в кормовом отсеке один. Ему были видны лишь шлемы сидящих впереди за стойками моторной gondoly летчиков. Иногда он видел и бортмеханика, поднимавшегося по трапу из бакового отделения в моторное. Там было тепло и там грелся Ляпсин.

Светов любил говорить: «Мужчине, который прожил сорок пять лет, — ничего не страшно. Самое страшное уже осталось позади».

Перед самым полетом Светов отдавал последние распоряжения своим сотрудникам, провожавшим его. В полярном городке, да и всему Северу была знакома его рослая фигура в кожаных брюках, высоких фетровых сапогах и замшевой куртке на застежке-молнии. Каждый из жителей Севера знал синюю городскую кепку начальника, его окладистую бороду и голубые всматривающиеся глаза. «Летучая мышь» светила в палатке начальника до поздней ночи и всегда в палатке был народ. Требовали пеньки для конопатки строящихся домов. Пеньки не было в порту.

— А вы конопатьте мхом!

Стали конопатить мхом.

Требовали кирпичей для кладки печек. Кирпич доставили в порт в недостаточном количестве.

— А вы поищите глины на берегу! На такой богатой реке я вам не только глину, но золото и платину найду, — решительно заявил строителям Светов.

Глину нашли. За лето насушили тысячи штук кирпичей.

Строительство не останавливалось.

— Вы пришли на Север и думаете: Светов открыл вам здесь универсам. Ошибаетесь! Универмага еще нет. Он будет! Но пока его нет, надо выходить из положения. Чтобы стройка ни на один день не останавливалась. Не постройтесь — будете зимой в палатках холодать! Выполните план — будете жить, как люди, и другие строительства на Севере с вас пример станут брать!

Светов сидел в кормовом отсеке и глядел вниз по правому борту самолета. Он поджидал — не покажутся ли огоньки барж. И вот в сумерках реки показались заветные огоньки судов, как уличные фонари большого поселка. На берегу горели опознавательные сигнальные костры. Сели благополучно, и тут же

ночью началась погрузка гвоздей с баржи на самолет.

Ночью, лежа на топчане в баржевом домике, Светов слышал, как за дощатой стеной переговаривались шопотом летчики. До острого слуха Светова долетали обрывки разговора.

— Пожар в воздухе... Клапана пропускают... Будет бенз, котлета из людей и машины...

Утром к Светову в каюту постучались. Вошел Ногин.

— Разрешите доложить, что у нас с носовым мотором неблагополучно. Пропускают четыре клапана. Возможен пожар в воздухе.

— А как мне держаться во время пожара? Не смогу ли я вам тогда чем-нибудь помочь? — спросил Светов.

Летчик замаялся от неожиданного ответа и, прокашлявшись, сказал:

— Если загорится машина, сидите спокойно и ждите посадки!

— Есть-есть! — ответил по-морскому Светов. — Буду сидеть спокойно и ждать посадки.

Светов каждое утро брился. Эту привычку он не оставлял нигде: ни на фронте в годы гражданской войны, ни в Ледовитом океане, ни в тайге, куда его посылала работать партия. Начальник еще не закончил бриться, как в его каюту постучали.

— Это я опять. Скажите, товарищ Светов, вам очень нужно на Север?

— Ну, а как по-вашему? Неужели я вздумал кататься за здорово-живешь на самолете в столь неудобное время? У вас, я вижу, засада с мотором. Так знайте, что я вас не могу заставить лететь на неисправной машине. Но на Север с гвоздями я попаду обязательно! Пешком ли, на шлюпке, зимой ли на оленях или лошадях. Я должен быть на Севере с гвоздями во что бы то ни стало. Разумеется, я могу рисковать только собой.

— Да, риск есть и для машины и для людей, — это я вам должен сказать на чистоту.

— Видите, товарищ Ногин, мне уже сорок пять лет и я не претендую на бессмертие. Я полечу на Север, если вы повезете меня с гвоздями на вашей гидре.

Ногин ушел, и слышно было за тонкой перегородкой каюты, как совещались летчики.

— У нас, когда я служил в военной авиации, на такой бы машине не допустили лететь, — сказал дядя Ваня. — Побьешь материальную часть и людей поуродуешь.

— Согласен с тобой. Лететь не допустили

бы. Ну, а если другого выхода нет? Понимаешь, если надо лететь во что бы то ни стало! Людей в порту—тысяча человек! Они к свиньям померзнут без гвоздей!

— Ну, а если мы, зажаренные, упадем куда-нибудь в тайгу? Кому от этого будет польза?—спросил дядя Ваня.

— Без паники!—сказал Ногин.—Ведь если трезво рассуждать, то здесь шестьдесят процентов за удачу, сорок—против. А наш Светов сколько раз говорил, что если на Севере и пятьдесят против, все равно надо рисковать. У нас сейчас нет другого выхода, нет другой машины, нет ремонтных мастерских под рукой. Что же, зимовать прикажете посреди реки! Ведь оставаться здесь, в необжитом месте, это значит рисковать машиной и людьми никак не меньше, чем в полете. Мне и не на таких машинах приходилось летать. Буду все время на-чеку. Придется держать реку под собой, не зарываться далеко в тайгу. Пожжем лишний бензин, но слетаем по-культурному. Так значит летим, друзья!

— Ехать так ехать,—улыбчиво сказал и летнаб.

— Так я же говорил, что полетим, в чем же дело?—пробасил старший бортмеханик Ляпсин.

— Тогда, друг, запускай сперва носовой мотор, а потом кормовой,—скомандовал Ногин.

И все пошли на самолет.

— Как огнетушители?—тихо спросил на-ходу Ногин у Ляпсина.

— В порядке.

Машина с тонной груза долго бежала на отрыв, вздымая пенные буруны. Все облегченно вздохнули, когда перестал дрожать дюраль и самолет взмыл в воздух. Моторы гудели равномерно, гул их был уверенный и ритмичный. Так казалось Светову. Ногин тревожно прислушивался к работе моторов...

Штабеля гальки выносила на средний плес таежная река со своих далеких верховых перекатов и выкладывала гальку островами. На тех из них, что сумели противостоять мощным ледоходам, появились тальнички. Стая лебедей играла на тихой воде за островком. Ногин шел низко и все было видно до мелочей в тайге и у реки. Отражения лебедей повторялись в зеркальной воде реки. Заслышав шум приближавшей машины, лебеди встревожились, затревожились, вода под ними зарыбила, потемнела, сломались вмиг их замечательные отражения. Птицы подались на юг, как будто тревога людей передалась и им.

Ногин любил «шпилить» над улицами городов, над маковками лиственниц и елей тайги. Но сегодня он изменил своему правилу. Ногин стал набирать высоту. Алтиметр показывал полторы тысячи метров. Река превратилась в голубую тонкую полоску. И вместо кедровника-стланца казалось, что тянутся под самолетом ровные зеленые дуга. В случае поломки носового мотора и пожара в воздухе Ногин при высоком полете оставлял себе еще несколько минут для планирования, чтобы успеть с выключенными моторами сесть не на тайгу, а на реку.

Самолет вернулся в полярный порт вечером и сделал посадку при свете костров. Ногин спланировал к бензиновому складу, откуда вчера чуть свет улетал.

— Ну, как?—спросил Светов пилота, вылезая из кормового отсека и снимая кожаный шлем.

— Скучновато было немного, но слетали по-культурному!—ответил Ногин.

Бортмеханики самолета и заведующий механической мастерской порта весь день возились с мотором. Покорбились клапанные грибки, неравномерно износились клапанные седла. Когда повреждения были исправлены, самолет поднялся в воздух, сделал два приветственных круга и лег на курс к Большой земле.

Тонна гвоздей, как драгоценность, была роздана самим Световым по строительным участкам. Застучали молотки в полярном порту.

Над рекой в ту ночь играли цветные сполохи. Это было к морозам. Стремительно приближалась зима. В одну ночь морозом сковало протоку у самого порта. Но теперь полярники встречали зиму без опаски.

МИНИАТЮРЫ ИЗ МАСТИКИ

Фото А. Шайхета

В декабре прошлого года режиссер К. Я. Голейзовский встретил на одной из ташкентских улиц бедно одетого человека, продававшего на лотке чудесные маленькие изображения узбеков и узбечек. В глаза бросались два обстоятельства. редкая художественность исполнения и досадное однообразие положений. Голейзовский спросил, кто является автором произведений. «Я сам». Заинтересовавшись автором фигурок, Голейзовский просил его зайти побеседовать. Фамилия художника: Пелевин, Константин Иванович. Основная профессия—слесарь. Повреждение руки заставило его переключиться на другую работу. Он встретился с китайцем, у которого и научился лепить миниатюры. Недостаток средств заставил Пелевина продавать свои фигурки на улице и делать их по одному образцу. Голейзовский предложил Пелевину поработать на заданные темы. Задание Пелевин выполнил блестяще. Он сделал национальный узбекский оркестр, причем дутар, тамбур, най и другие узбекские инструменты сделаны с исключительной тщательностью. Прекрасно выполнены посетители чайханы, окруженные чайниками и держащие в руках пиалы и лепешки. Еще лучше—танцоры. Все правильно в их движении.

Пелевин мечтает о теплой удобной мастерской, об учениках. Он говорит, что засыпал бы советские музеи экспонатами. Его задача—запечатлеть уходящее и отобразить настоящее. Он говорит, что с колоссальным напряжением готовит теперь две большие вещи: «Расстрел 26 бакинских комиссаров» и «Сбор хлопка».

Узбекским организациям надо было бы заняться этим талантливым и пока малоизвестным художником.

Ошибочка

Рассказ

Звали его Чэйс, и был он главным над чернорабочими завода Истмен-Кодак. С первого же взгляда он не влюбил меня. Не скрою,— мне он тоже не ахти как понравился. Он смотрел исподлобья и все время двигал челюстью; отдавать приказание чаще, чем это необходимо,— доставляло ему удовольствие.

— Ну, какого дьявола тебе надо? — приветствовал он меня, когда я в первый раз явился на работу.

— Управляющий дал мне эту бумажку и велел обратиться к вам.

— Ты меня не учи! — начальнически прошипел он.

— Я и не думаю учить, — ответил я, разозлившись.

— Ты слишком много разговариваешь.

— Я не немой, к вашему сожалению...

Он нахмурился и взглянул на меня.

— Заткни, к чертовой матери, свой люк, паренек, да принимайся за работу. Возьми кирку и лопату, отправляйся туда, — он указал на кирпичное здание, — и лезь вниз. В той дыре тебе хватит работы. И если хочешь застрять здесь, то держи закрытой свою плевательницу! Слышишь? Ну, пошевеливайся!

Яма была, как яма, футов сорок глубиной. Человек десять рабочих стояли по колена в грязи и накладывали эту грязь на тележки. Мальчуганы отвозили ее в угол и там вываливали. До сих пор я не докопался до смысла

этой работы — нашей обязанностью было копаться в грязи, а не в смысле.

Когда я спустился вниз, Чэйс был уже там. Я взглянул на грязь, на него и на свои ботинки. Он спросил меня о сапогах.

— Я не знал, что они понадобятся.

Чэйс пожал плечами и приказал:

— Ну, ну, прыгай.

Мне захотелось плюнуть на все и уйти, но грязь — не грязь, а работа была нужна, и, решив, что лучше работать босиком, начал снимать ботинки.

— Эй, что это там за франт? — заорал на меня Чэйс.

— Мне так удобнее.

— Удобнее?! Тут тебе не зал отдыха! Хочешь работать, так работай в ботинках! Здесь не школа танцев!

Только несколько парней засмеялись.

Во всем, в чем был, я начал работать. Грязь забила в ботинки, и через секунду ноги стали мокрыми.

Перерыв на обед был только на полчаса, так что мне пришлось бежать к приятелю за сапогами со всех ног.

К счастью, жена Джима была дома и знала, где он держит их. Пока я менял носки и натягивал сапоги, она приготовила мне бутерброд. На ходу глотая его, я мчался на завод, но все же опоздал на пять минут.

Я ожидал взбучки от Чэйса, но он улыбнулся мне, как своему близнецу. Мне было ясно, что это затишье перед бурей. Но он

улыбался и улыбался, и я почувствовал себя ошарашенным. Если он меня не влюбил, так что ж поделаешь. Хорошо. Но если он вдруг смотрит на меня, как на закадычного друга, я имею право быть подозрительным.

— Очень жаль, что вам пришлось доставать сапоги. Я должен был сказать еще перед обедом, что вы не будете больше работать в этой вонючей дыре.

— Вы хотите сказать, что выгоняете меня? — К иному заключению я и не мог прийти.

— Нет, нет, — промурлыкал он. — Вы не беспокойтесь. Надо следить за чистотой улицы. Компания приказывает. Нельзя, чтобы пыль попадала в химикали, из которого готовят пленку, так что приходится убирать здесь все до крошки. Вы стойте вот здесь, в тени, и следите, как подметают этот проезд.

Я прямо не знал, что и подумывать, — не привык я к таким сюрпризам.

— Я не хотел с вами плохо обращаться утром, — продолжал он, — пожалуйста, забудьте это.

— О-кэй, — было все, что я мог выговорить.

Меня удивляло такое быстрое повышение по службе. Делать мне было нечего — стоять да смотреть на проходящих мимо конторщиц. Они хихикали, глядя на меня. Должно быть я был смешон в больших высоких сапогах в солнечную погоду.

Но солнце вскоре скрылось. В середине дня начал накрапывать дождь, и Чэйс окликнул меня.

— Вы промокнете! Залезайте сюда, пока не перестанет дождь.

Я зашел в подъезд вместе с ним. Подъезд был маленький, и мне показалось необходимым сказать что-нибудь о погоде.

— Да, так всегда в это время года, — ответил он и затем после минутной паузы, спросил: — как идут дела вашего отца?

— Отца? — переспросил я. — Он умер пять лет назад.

Никогда я не видел более удивленного лица:

— Умер?

— Да, — сказал я, — упал с лесов и сломал себе шею. Вы были с ним знакомы?

Казалось, он не слышал моего вопроса.

— Как пишется твоя фамилия?

— Е-а-л-е-н-т-а-й, — ответил я по буквам.

Когда я произнес букву «й», он чуть не подавился.

— Улица уже чиста, — прорычал он, — проваливай обратно в яму, чорт тебя побери!

Я спустился вниз, ничего не понимая. Но вечером от одного парня, работавшего вместе со мной, я узнал все.

Сын члена городского управления, по фамилии Валента, окончил колледж и должен был начать свою карьеру с низов, работая на этом заводе, — такая мода у этих богатых политиканов. Чтобы подмазаться к старику, Чэйс хотел дать его сыну работенку полегче — что-нибудь вроде наблюдения за уборкой улицы.

Ребята надорвались от смеха, узнав об ошибке Чэйса. Они смеялись и тогда, когда он влез в яму и напустился на меня. Я почувствовал, что недолго продержусь здесь, и перехитрил его — вместо того чтобы доставить ему удовольствие выгнать меня, я несколько дней спустя нашел себе работу по мытью посуды.

Перевод с английского
ЮРИЯ СМЕРНОВА

НАША СТРАНА

ИГРА „ОГОНЬКА“

Серия 1. ГРУЗИЯ

Наша страна велика и разнообразна. От льдов Арктики до жарких субтропиков раскинулось на одной шестой части мира первое свободное государство трудящихся. Вместе с дружбой народов, населяющих СССР, пришло желание взаимно ознакомиться с культурой, историей, бытом, географией каждого народа.

Предлагаемая читателям игра не претендует на роль учебника, не стремится охватить все стороны жизни народов СССР. Ее задача лишь вызвать в читателях интерес к изучению нашей великой родины.

Правила игры: каждый правильный ответ дает 10 очков; приблизительно правильный — 5 очков. Вся серия содержит 100 очков.

1. НАЗОВИТЕ ТРИ КРУПНЫХ ГОРОДА В ГРУЗИИ.
2. НАЗОВИТЕ ДВЕ ГРУЗИНСКИХ ОПЕРЫ.
3. КАКИЕ ВЫ ЗНАЕТЕ ДВЕ РЕКИ, ПРОТЕКАЮЩИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ГРУЗИИ?
4. МЕСТОРОЖДЕНИЕМ КАКОГО МЕТАЛЛА СЛАВИТСЯ ГРУЗИЯ?
5. КАКИХ ДВУХ ГРУЗИНСКИХ ПОЭТОВ ВЫ ЗНАЕТЕ?
6. В КАКОМ ВЕКЕ И ПРИМЕРНО В КАКОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ ГРУЗИЯ БЫЛА ПОКОРЕНА ЦАРСКОЙ РОССИЕЙ?
7. КАКОЙ ГРУЗИНСКИЙ ПОЭТ БЫЛ ДРУГОМ ПУШКИНА?
8. В КАКОМ ВЕКЕ ЖИЛ И КАКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ НАПИСАЛ ПОЭТ ШОТА РУСТАВЕЛИ?
9. КАКИЕ ДВЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КУЛЬТУРЫ ПРИВИЛИСЬ В ГРУЗИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ?
10. КАКАЯ КРУПНАЯ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ НАХОДИТСЯ В ГРУЗИИ?

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакцией «Огонька» будут даваться авторам стихов и рассказов ответы только с точки зрения пригодности или непригодности данного материала для «Огонька», необходимости поправок в нем, доработки и т. д.

Что касается авторов стихотворений, рассказов и других литературных работ, желающих получить литературную консультацию, то редакция «Огонька» просит с этой целью материал направлять в специальные литконсультации, которые существуют при Гослитиздате и других издательствах.

НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР ГЛАВПАРФЮМЕР

ЛУЧШИЕ ЦВЕТОЧНЫЕ ОДЕКОЛОНЫ

СИРЕНЬ

ЦЕНА 6р.85к

ИДЕАЛ ГРЕЗ

ЦЕНА 6р.25к

ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕК

ЦЕНА 6р.85к

ИМЕЮТ
СТОЙКИЙ И НЕЖНЫЙ ЗАПАХ

требуйте всюду

НАРКОМПРОС РСФСР
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

ИН-ЯЗ

ПРИЕМ НА ОТДЕЛЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Курс общий и специальные: по
англ. яз. — металлургия, электро-
техника, железнодорожный транс-
порт, автомобиль, дорожное дело;
по нем. яз. — растениеводство, жи-
вотноводство.
Подготовка и переподготовка пе-
реводчиков.
Проспект высылается за 50 коп.
почтовыми марками.
МОСКВА, Кузнецкий мост, 3.

„НОТЫ—ПОЧТОЙ“
МОГИЗ'а
Москва, Неглинная, 14/0.

Высылает наложенным
платежом без задатка

САМОУЧИТЕЛИ ДЛЯ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

по цифровой или нотной системам.
2-РЯДНАЯ ВЕНСКАЯ ГАРМОНИКА.
Самоучитель с метод. указ. револ.
и бытовыми песнями и танцами,
составили А. Сергеев и А. Голубев.
Ц. 1 р. 25 к.

Сборн. легких песен, романсов и
танцев, сост. А. Голубев. Ц. 1 р.
БАЛАЛАЙКА.
Самоучитель с метод. указ. массо-
выми нар. песнями и плясками и
пр., сост. А. Илюхин. Ц. 3 р. 50 к.

Сборн. современных револ. и из
кинофильмов песен, сост. М. Нахи-
мовский. Ц. 85 к.
МАНДОЛИНА.
Самоучитель с метод. указ. нар.
и револ. песнями, сост. Д. Алексан-
дров. Ц. 2 р.

Сборн. 9 танцев, сост. Н. Розов.
Ц. 2 р. 25 к.
Сборн. современных револ. и из
кинофильмов песен, сост. Н. Розов.
Ц. 1 р. 20 к.
ГИТАРА.
Самоучитель (печатается).
Сборн. танцев и маршей, состав.
М. Иванов. 1 р. 70 к.

Сборн. современных револ. и из
кинофильмов песен, сост. М. Иванов.
Ц. 1 руб.
Сборн. романсов и песен (с пением),
сост. М. Иванов. Ц. 1 р. 20 к.
„БАЯН“ по нотной системе.
Сборн. легких танцев, песен и пр.,
сост. В. Тюрников. Ц. 1 р. 20 к.
Сборн. западных танцев (танго, бо-
стон, фокстроты), сост. И. Гладков.
Ц. 2 руб.
СКРИПКА по нотной системе.
Школа с метод. указ., сост. Л. Си-
гал. Ц. 8 р.
Требуйте каталоги.

Треконсолб
ЯВЛЯЕТСЯ ОДНИМ ИЗ ЛУЧШИХ ХИМИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
БЕРЕМЕННОСТИ

РЕКОМЕНДОВАНО
Центр. Научн. Ком. НКЗдрава
ПО БОРЬБЕ С АБОРТАМИ
1-я гос. фабрика профилант.
препаратов Галу НКЗдрава:

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ
И МАГАЗИНАХ САНИГИГИЕНЫ

НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР
ВИТАМИНПРОМБЮРО

ЛЕНИНГРАД, ул. ГЕРЦЕНА, 11.

ВИТАМИН

„С“

ВИТАМИН „С“
радикальное средство при
лечении ЦЫНГИ.
ВИТАМИН „С“
рекомендуется при многих
нарушениях обмена веществ.
Особенно рекомендуется поль-
зоваться витамином „С“ как
профилактическим средством
против ЦЫНГИ в местностях
с суровоклиматическими усло-
виями, бедных раститель-
ностью, всевозможным экспе-
дициям, также вынужден-
ным длительно пользоваться
однообразным питанием.

ВИТАМИН „С“
вырабатывается витаминными
заводами под контролем Все-
союзного научно-исследова-
тельского Витаминного ин-
ститута.

ВИТАМИН „С“
изготавливается из витаминно-
вых растений, в жидком виде
и таблетках, весьма приятных
на вкус.
Требуйте **ВИТАМИН „С“**
во всех магазинах
Разовые заказы и заявки
на 1937 год направлять
в адрес: Ленинград, ул. Гер-
цена, 11.

Витаминпромбюро

К Н И Г И

по ИСТОРИИ, ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВУ, ГЕОГРА-
ФИИ, ФИЛОСОФИИ, худож. ИЗДАНИЯ, КЛАССИКИ,

а также

**СТАРИННЫЕ
ГРАВЮРЫ,
РУКОПИСИ,
АВТОГРАФЫ
ПИСАТЕЛЕЙ,
ХУДОЖНИКОВ И
ОБЩЕСТВЕННЫХ
ДЕЯТЕЛЕЙ**

**ПОКУПАЕТ ЗА НАЛИЧНЫЙ РАСЧЕТ
АНТИКВАРНО - БУКИНИСТИЧЕСКИЙ
МАГАЗИН № 14 МОГИЗ'А**

МОСКВА, проезд Художественного театра, д. 5.
Телефон К 5—96—07.

АММАРГЕН

(по методу доктора ЕРМОЛАЕВА)

АММАРГЕН—

НОВАЯ ЛЕКАРСТВЕННАЯ ФОРМА СЕРЕБРА

—изготовлен специальной лабораторией при I ММИ под руководством
д-ра П. Е. ЕРМОЛАЕВА (директор лаборатории—заслуженный деятель
науки профессор М. С. МАЛИНОВСКИЙ).

АММАРГЕН

является обеззараживающим средством
и кроме специальных назначений врача может быть
применен в домашнем быту для взрослых и детей
в следующих случаях:

- при остром и хроническом насморке в виде
промывания носа в растворе 8 капель на стакан
кипяченой воды;
- при острой и хронической ангине, воспалении
слизистой полости рта в виде полоскания по 8 ка-
пель на стакан кипяченой воды;
- при разного рода ожогах, ранениях, гнойно-
мокнувших экземах и язвах в виде влажных марле-
вых повязок с последующим увлажнением повязки
3—4 раза в день, вначале по 16 капель на стакан
кипяченой воды, а по мере заживления раны по
8 капель на стакан воды;

АММАРГЕН

широко испытан московскими, ленин-
градскими и другими областными клиниками, а так-
же рядом лечебных учреждений и всюду доказал
высоко обеззараживающее действие, не нарушая при
этом физиологических функций и клеток тканей и
организма в целом.

Реализация АММАРГЕНА производится Союзхим-
фармторгом Народного Комиссариата здравоохра-
нения СССР.

ТРЕБУЙТЕ АММАРГЕН ВО ВСЕХ АПТЕКАХ, В СЛУЧАЕ ОТСУТСТВИЯ
НА МЕСТАХ ПРОСЬБА СООБЩИТЬ: МОСКВА, УЛ. ГОРЬКОГО, 15
«ХИМФАРМТОРГ».

К СВЕДЕНИЮ ГРАЖДАН, ХРАНЯЩИХ СВОИ ОБЛИГАЦИИ ГОСЗАЙМОВ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ КАССАХ

В связи с конверсией государственных внутренних займов СССР **ВСЕ ОБЛИГАЦИИ:** III Займа Индустриализации, Займа „Пятилетка в четыре года“, Займа 3-го Решающего Года Пятилетки, Займа 4-го Завершающего Года Пятилетки, Займа Второй Пятилетки (выпуска первого, второго и третьего годов)

ОБМЕНИВАЮТСЯ НА ОБЛИГАЦИИ ЗАЙМА ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ (ВЫПУСК ЧЕТВЕРТОГО ГОДА)

Облигации перечисленных займов, находящиеся на хранении в сберкассах, обмениваются на Заем Второй Пятилетки (выпуск четвертого года) при личной явке их владельца или по его письменному заявлению с высылкой в сберкассах (заказным письмом) **СОХРАННО-ССУДНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА.**

В заявлении необходимо указать, на какие облигации нового займа должны быть обменены облигации прежних займов и следует ли переслать облигации нового займа их владельцу или оставить на дальнейшее хранение в сберегательной кассе.

С 1 сентября 1937 г. ВСЕ ОБЛИГАЦИИ ПРЕЖНИХ ЗАЙМОВ, находящиеся на хранении в сберкассах и НЕ ОБМЕНЕННЫЕ НА ОБЛИГАЦИИ ЗАЙМА ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ (выпуск четвертого года), ТЕРЯЮТ СВОЮ СИЛУ И ОБМЕНУ НЕ ПОДЛЕЖАТ

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ, НЕ ПОЛУЧИВШИХ СВОЕВРЕМЕННО ОБЛИГАЦИЙ

III Займа Индустриализации, Займа „Пятилетка в 4 года“, Займа Третьего Решающего Года Пятилетки, Займа Четвертого Завершающего Года Пятилетки и Займов Второй Пятилетки (выпуска первого, второго и третьего годов)

Предприятия, учреждения и сельсоветы обязаны были передать неврученные ими подписчикам облигации перечисленных займов в районные сберегательные кассы для хранения до явки подписчиков.

В связи с обменом облигаций прежних государственных займов на облигации займа ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ (выпуск четвертого года) подписчикам, не получившим ранее своих облигаций, надо:

1. Выслать (заказным письмом) в районную сберкассах по месту подписки заявление, указав в нем, облигации какого займа и на какую сумму не были получены по подписке. К заявлению необходимо приложить: закрепительные талоны, справки и другие документы, подтверждающие оплату и неполучение облигаций.
2. В заявлении должно быть указано название предприятия или учреждения, сельского совета, колхоза, артели или жакта и т. д., где производилась подписка на заем, а также домашний или служебный адрес, по которому сберкасса должна выслать подписчику облигации.
3. Согласно заявлений подписчиков, районная сберегательная касса обменивает облигации прежних займов на облигации Займа Второй пятилетки (выпуск четвертого года), которые и высылаются подписчикам. Поэтому в заявлениях подписчики обязаны указывать, на какие облигации нового займа должны быть обменены неполученные ими своевременно облигации прежних займов.

Подписчики, не заявившие сберегательным кассам о неполучении ими облигаций прежних займов и не обменявшие их таким образом на облигации Займа Второй Пятилетки (выпуск четвертого года), не будут иметь возможности участвовать в тиражах выигрышей по Займу Второй Пятилетки (выпуск четвертого года), которые начнутся в 1937 г. после окончания расчетов по коллективной подписке на заем.

С 1 сентября 1937 г. облигации прежних займов, не востребованные подписчиками из сберегательных касс, утрачивают свою силу и обмену не подлежат.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС И ГОСКРЕДИТА

Донец

цена 50 коп.